

СМЕНА

различия в частоте. **Ч**астота в раз-

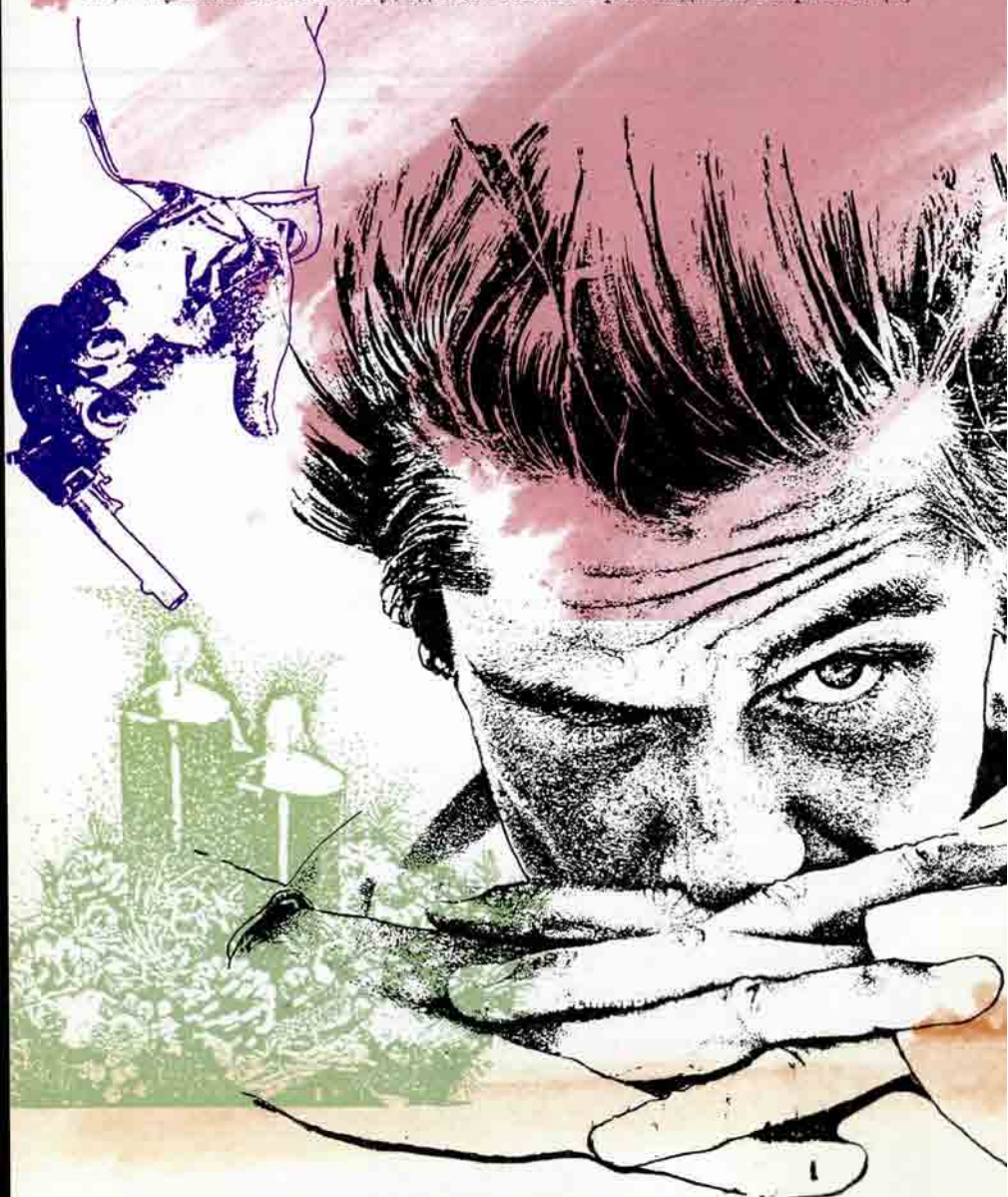
198

Фредерик Дар. Грузовой лифт

Встреча

Как долго человек чувствует себя сиротой, потеряв мать?

Оказавшись вновь после шести лет отсутствия в квартирке, где умерла мама, я почувствовал себя так, словно мне на шею накиннули толстую удавку и стали безжалостно ее затягивать. Я сел у окна в старое кресло, в которое она всегда садилась, когда принималась за штопку, и огляделся, вслушиваясь в тишину, вдыхая запахи и разглядывая старые вещи,

Фредерик Дар

ИЗМЕНИ МОЮ ЖИЗНЬ

которые дожидались моего возвращения. В тишине и запахах было больше жизненной сущности, чем в обоях, испачканных желтоватыми пятнами.

Мать умерла четыре года назад, и я одновременно узнал и о ее кончине, и о ее похоронах. За эти четыре года я часто о ней думал, но оплакивал ее сдержанно. И вот внезапно, переступая порог нашего жилища, я, наконец, окончательно осознал ее смерть.

А за стенами было Рождество.

Я это понял, только вновь очутившись в Париже с его многолюдными бульварами, нарядными, сверкающими магазинами, елками в гирляндах электрических лампочек. Рождество!

Как глупо с моей стороны возвращаться домой в подобный день!

В спальне витал незнакомый для меня запах, запах ее смерти. Кровать была полностью разобрана, матрац свернут и прикрыт старой простыней. Люди, которые ею занимались, забыли убрать стакан со святой водой и веткой букса. Эти печальные аксесуары находились на мраморной доске комода, рядом с распятием из черного дерева. Вода в стакане высохла, листочки букса пожухли. Когда я дотронулся до ветки, они осыпались, как золотистые горошинки, на ковер спальни.

На стене висела моя фотография в старинной рамке с замысловатым орнаментом, в которой некогда были выставлены награды моего отца. Снимок сделан десяток лет назад, однако я не видел в том для себя преимуществ, так как выглядел болезненным и подавленным молодым человеком со впалыми щеками; взгляд косил, а на губах застыла загадочная гримаса, которая бывает только у очень злых или очень несчастных людей. Только материнское око могло быть снисходительным к этому столь неудовлетворительному изображению, и даже находить его прекрасным.

В настоящий момент я сам себе больше нравился. Жизнь развила и обогатила меня, взгляд стал уверенным, черты лица умиротворенными.

Оставалось побывать в собственной комнате. Ничего не изменилось. Кровать была прибрана, каминная полка заставлена стопками любимых книг, по-прежнему на ключике от шкафа стоял человек, которого забавы ради я вырезал из куска орешника.

Я навзничь бросился на постель. Вновь испытал знакомое ощущение при соприкосновении с шероховатой поверхностью покрывала, почувствовал, как приятно пахнет прочно окрашенная полотняная ткань. Закрыл глаза и, как некогда по утрам в ожидании завтрака, позвал:

— Мама, где ты там?

Есть люди, которые зовут по-другому, правильно строят фразы. Все, что мне приходило в голову, это простое обращение, сказанное будничным тоном. На какой-то миг вспыхнула надежда, что, если очень сильно захотеть, придет ответ из прошлого. Кажется, без малейших колеба-

Фредерик Дар — современный французский писатель, его детективные романы переведены во многих странах мира. Часть из них издана под псевдонимом Сан-Антонио. Как Фредерик Дар он известен несколькими романами, вошедшими в серию "Черная река": "Злодеи всегда наивны", "Палач проливает слезы", "Последние тайны Парижа" и "Кома".

ний отдал бы все, что мне было отпущено в жизни, лишь бы на мгновение ощутить присутствие матери за дверью, лишь бы услышать, как своим всегда немного встревоженным голосом она спрашивает:

— Ты проснулся, малыш?

Я проснулся.

И пока снова не усну, пройдет целая жизнь.

Мой зов нарушил тишину квартиры, какой-то миг длился его дрожащий звук, и я успел ощутить всю глубину отчаяния, что он в себе таил.

Немыслимо просидеть здесь целый вечер. Мне нужен шум, свет, алкоголь. Нужна жизнь!

В шкафу я обнаружил свое пальто из искусственной верблюжьей шерсти, которое мать, как положено, пересыпала нафталином. Когда-то оно было здорово “на вырост”, но теперь жало в плечах. Примеряя его, я разглядывал и другую свою одежду в чехлах, аккуратно развешенную на плечиках. Каким диким казался мне этот вышедший из моды гардероб, который был совсем уже не к лицу! Он более красноречиво свидетельствовал мне о прошлом, чем воспоминания. Одного его было достаточно, чтобы с точностью определить, каков я был.

Я вышел, точнее, сбежал на улицу.

Бурча что-то себе под нос, консьержка подметала лестницу. Еще когда я был мальчишкой, она уже выглядела, как изнуренный, подошедший к концу жизни человек. В те времена консьержка казалась мне ужасно старой. Старее, чем теперь. Она взглянула на меня, но не узнала. Ослабло зрение, да и я изменился.

Время от времени мелкий дождичек сыпался на мостовую, и свет фонарей словно множился в ее мокром блеске. Оживленная толпа заполняла узкие улицы предместья Леваллуа.

Кончился рабочий день, у многих в руках были пакеты с провизией к рождественскому ужину. Люди толпились около продавцов устриц, расположившихся прямо на улице: под гирляндами разноцветных лампочек, одетые в толстые вязаные морские пуловеры, они вскрывали раковины, доставая их из огромных корзин.

В колбасных и кондитерских тоже было полно народу. Хромой продавец газет зигзагами переходил с тротуара на тротуар, выкрикивая заголовки новостей, до которых никому не было дела.

Я бесцельно бродил по улицам, безотчетно неся с собой раздиравшую меня тоску. Остановился перед узкой витриной писчебумажной лавки — одного из тех местных магазинчиков, где обычно продается всякая всячина: молитвенники для первого причастия, петарды, по случаю Четырнадцатого июля, наборы школьных принадлежностей к началу учебного года, рождественские ясли, популярные в декабре. Около таких лавчонек прошла моя юность, и они тем дороже, чем быстрее исчезают.

Почему мне так захотелось туда войти и что-нибудь купить наугад? Из одного только предвкушения вдохнуть их запах и вновь испытать забытые ощущения?

Четверо клиентов теснились в узком помещении. Хозяйка магазинчика выглядела, как престарелая вдова, решившая навеки остаться в трауре. Из комнаты за лавкой доносился аромат какао.

Я был рад тому, что вокруг люди. Можно замешкаться в магазинчике, вдоволь насмотреться на недорогие безделушки, оживить в памяти кое-какие эпизоды детства, в чем я так сегодня нуждался.

Уголок напоминал волшебный грот, где скопились сверкающие сокровища. Полки были уставлены елочными украшениями: стеклянными птичками, дедами-морозами из папье-маше, корзиночками, полными фруктов из крашеной ваты, похожими на мыльные пузырьки всевозможными хрупкими шариками, превращавшими елку в волнующую сказку.

Подошла моя очередь.

— Месье, что пожелаете?

Я ткнул пальцем на серебряную картонную клеточку, усыпанную блестками. Экзотическая птичка из голубой и желтой бархатной синели покачивалась внутри на крохотной золоченой жердочке.

— Это, — пробормотал я.

— Что еще?

— Все.

Продавщица уложила клеточку в картонку и обвязала ленточкой.

— Три двадцать!

Выйдя на улицу, я почувствовал себя лучше, но не мог понять, почему покупка рождественской игрушки, которую мне некуда было девать, вдруг связала меня с прошлым.

Тайна!

Я вошел в бар и заказал рюмку аперитива. В баре собрались довольно возбужденные на вид мужчины, которые говорили о том, как проведут рождественскую ночь. Большинство из них под мышкой или в карманах держали свертки.

Хотелось сесть в автобус и отправиться фланировать по Большим бульварам. Однако я предпочел остаться в своей вотчине. Уличная толпа в Леваллуа была поскромнее, зато более шумной, более пылкой. На каждом шагу встречались люди, которые мне что-то говорили, но никто меня не узнавал.

На одном из перекрестков кто-то громко крикнул: "Альбер"! Я резко обернулся. Звали не меня, а высокого прыщавого парня в клетчатой куртке кондитера, который стоял у тротуара, опершись на трехколесный мотороллер.

Старый квартал! Запахи отсыревшей сажки и фритюра! Неровные мостовые! Угрюмые фасады! Бары! Беспризорные псы, которым уже не угрожают облавы!

Более часа бродил я под липковатым дождем, во власти тысячи пьянящих, сладостных и горьких чувств, которые переносили меня на пятнадцать лет назад.

К восьми часам вечера я вошел в большой ресторан в центре города. Это был довольно обычный ресторан быстрого обслуживания с зеркалами, деревянными панелями, вдетыми в кольца салфетками, с массивными диванчиками, над которыми свисали горшочки с вьющимися растениями, с буфетом-стойкой и гарсонами в черных брюках и белых куртках. Заведение смахивало на "известную" провинциальную фирму.

Кстати, это был действительно известный ресторан. Когда в детстве я воротил нос от маминых блюд, она вздыхала: "Можешь кормиться у Шикле!"

И в самом деле, я мечтал при случае там отобедать. Мне казалось, что только очень богатые и знаменитые люди могли позволить себе такую роскошь. Каждый вечер, возвращаясь с занятий, я останавливался перед гигантскими окнами ресторана и сквозь запотевшие стекла наблюдал за заседавшей там роскошной публикой.

В промежутках между обедами и ужинами важные господа собирались поиграть в бридж. Когда приближалось время обслуживания клиентов, игорные столики исчезали один за другим, словно потерпевшие кораблекрушение кораблики. Оставался разве что островок самых рьяных игроков в глубине зала, который гарсоны с раздражением вынуждены были обходить.

Я вошел туда впервые в жизни, вошел небрежно, как завсегдатай.

За время моего долгого отсутствия я столько раз принимал решение туда отправиться, столько раз мысленно репетировал, как войду, разучивал жесты, что и в самом деле действовал по привычке.

В глубине зала поставили огромную елку, увитую гирляндами из электрических лампочек и украшенную елочным дождем, что придавало старомодному ресторану вид ярмарочного балагана. К своим белоснежным курткам официанты приколоты по крохотной веточке остролиста, а в баре хозяева, г-н и г-жа Шикле, угощали завсегдатаев аперитивом.

У этой пары было весьма высокое представление о собственных функциях владельцев заведения. Всегда одетые с иголочки супруги производили впечатление людей, которые принимают гостей.

Она — довольно полная и, несмотря на темные платья и массивные украшения, немножко напоминавшая кассиршу из какого-нибудь большого кафе. Он — невзрачный мужчина, с редкими волосами, прилизанными на макушке, в старомодном костюме.

Обслуживание клиентов только что началось, и пока что в зале их было немного. Ко мне подошел официант, помог снять пальто, повесил его на кольцевую вешалку и, указывая подбородком на зал, спросил:

— Вы предпочитаете какое-то определенное место?

— Около елки, если можно...

Как же в свое время мне хотелось отвести к Шикле мать! Она, небось, мечтала об этом всю жизнь!

Я сел на диванчик напротив елки и заказал изысканные блюда. Мне вдруг стало хорошо. Так бывает, когда вы очень голодны и сейчас начнете есть. Ведь утоление желания — единственное истинное наслаждение в жизни.

В те минуты я утолял не голод — детскую мечту.

Я принялся пересчитывать на елке электрические лампочки. Они действовали на меня гипнотически. Когда я заканчивал эти бесполезные подсчеты, рядом со мной тоненький детский голосок пролепетал:

— Красиво!

Я обернулся и обнаружил за соседним столиком маленькую некрасивую девочку трех-четырёх лет, которая тоже разглядывала елку. Голо-

ва ее была слегка великовата, лицо плоское, волосы шатеновые с рыжиной, довольно бесформенный носик.

Молодая женщина, без сомнения, мать, сидела с ребенком. Она заметила мое движение и улыбнулась, как улыбаются все матери, когда их дети привлекают внимание. Я был потрясен.

Женщина походила на Анну. Как и Анна, брюнетка, с такими же темными миндалевидными глазами, с таким же темноватым оттенком кожи, с таким же умным и чувственным, пугавшим меня ртом. На вид ей было лет двадцать семь, столько же, сколько было бы Анне. Очень хороша собой, изысканно одета.

— Ешь рыбу, Люсьенна!

Девочка послушно потыкала вилкой маленький кусочек камбалы в своей чересчур большой тарелке. Не сводя глаз с елки, неловко поднесла его ко рту.

— Она большая, да?

— Да, солнышко.

— Она выросла тут?

Я засмеялся. Женщина снова на меня посмотрела, довольная моей реакцией. В течение нескольких секунд она выдержала мой взгляд, затем медленно опустила голову, словно я ее смутил.

Странно встретить в ресторане под Рождество молодую женщину с маленькой дочкой. Сердце сжималось при виде этих двух существ. Их одиночество вдвоем казалось более трагическим, чем мое собственное, бывшее истинным одиночеством.

Внезапно душевное спокойствие, в которое я погрузился с тех пор, как вошел к Шикле, оказалось поколебленным. В сущности, я всю жизнь страдал от подобных перепадов настроения. Никогда не был уверен в том, что произойдет в следующую секунду. Во мне всегда жила готовая вспыхнуть тревога, к которой я привык за последние шесть лет.

Я съел свои плоские устрицы, затем фазана с жареным соломкой картофелем, выпил бутылку розового вина. Время от времени, когда девчушка принималась рассуждать, я пользовался случаем, чтобы посмотреть на ее мать, и каждый раз испытывал потрясение, убеждаясь в ее сходстве с Анной. Наши уловки не прекращались, пока длился ужин. Я говорю: наши уловки, ибо молодая женщина, если можно так выразиться, включилась в игру. Когда я к ней поворачивался, она тоже поворачивала голову в мою сторону. С озадачивающей последовательностью ее лицо выражало при этом поочередно: интерес, печаль, стыдливость.

Ужинать мы закончили почти одновременно. Медлительность ребенка компенсировала мое отставание. Женщина попросила кофе и счет. Я сделал то же самое.

Теперь ресторан был набит битком. Бегали официанты. Слышались распоряжения, передаваемые в служебное помещение. Разговоры становились все громче. Казалось, что находишься в зале ожидания вокзала. Стук вилок и звон бокалов, легкие залпы выскакивающих пробок создавали радостный фон, своего рода гимн низкопробному наслаждению. Демонстративно повернувшись лицом к залу, клиенты у стойки

ожидали, когда освободятся столики. Счета нам подали незамедлительно: давая сдачу, официанты уже держали вещи, снятые с вешалки, и изголодавшиеся вновь прибывшие, радуясь, что получили место, осаждали наши столики.

Женщина застегнула на девочке драповое пальто с бархатным воротничком и только затем надела каракулевого манто, которое официант держал перед ней наготове, благодаря чему стал похож на чудовищную летучую мышь.

Мы вместе оказались в дверях, и я распахнул ее. Она поблагодарила меня прямым волнующим взглядом.

Дождь кончился, снова похолодало. Странный холод слишком мягкой зимы! Снега определенно не будет. Машин становилось все меньше. Они проезжали мимо, разбрасывая жидкую грязь. Кое-какие магазины начинали закрываться. Я стоял у ресторана, не зная, что делать дальше. Во мне еще жил взгляд этой женщины, жил и явно не спешил исчезнуть.

Удаляясь, она дважды обернулась. В ее поведении не было кокетства. Испуга тоже не было. Она просто хотела убедиться, не последую ли я за ними.

Я направился в ту же сторону, потому что она вела к моему дому. Мы прошли несколько сот метров на приличном расстоянии друг от друга. На перекрестке я потерял их из виду и почувствовал неприятное беспокойство, хотя согласился с этим расставанием, столь же нечаянным, как и наша встреча. Просто мне стало грустно; грустно, как и шесть лет назад, когда я увидел, что Анна мертва. Недоверчивая печаль: что-то в глубине души не принимало этого расставания.

Проходя мимо кинотеатра, я заметил их в вестибюле: они разглядывали фотографии. Разглядывала, конечно, мать. Малышка же не могла оторваться от жиденькой елки, украшавшей холл. Елки плохонькой, выращенной где-то в питомнике предместья, вместо елочных игрушек на ветках были развешаны портреты кинозвезд.

Я хорошо знал кинотеатр "Мажестик". Пересмотрел здесь такое количество вестернов, что в свое время мог бы определить любое название, едва прослушав несколько метров звукозаписи.

Я вошел в вестибюль. Женщина меня заметила. На этот раз она едва на меня взглянула, но внезапная бледность словно обескровила ее лицо.

Я понял, что, если пропущу ее вперед в очереди за билетами, мне не хватит храбрости за ней последовать. Тогда я встал впереди и в стеклянное окошечко кассы видел, как она тоже продвигается вперед. Я уплатил деньги за билет и отошел в сторону. Она подошла, держа девочку за руку.

— Два билета.

Начался сеанс. Показывали документальный фильм об Украине: бескрайняя, поросшая колосьями равнина.

К нам быстро подошла билетерша, высвечивая проход электрическим фонариком. Женщина протянула ей два билета. Билетерша, наверняка не разглядев малышку, подумала, что мы вместе, и усадила нас рядом, в одном из первых рядов. Сердце мое бешено колотилось, как и в тот день, когда я впервые вышел с Анной на люди. Я сидел в кресле не-

подвижно, выпрямив спину, уставившись на экран, не видя ничего из того, что там происходило, не слыша ничего, кроме беспорядочного стука моего сердца. Я ощущал теплое присутствие этой женщины и был потрясен. Аромат, исходивший от ее манто, глубоко меня волновал.

Девочка громко задавала какие-то вопросы, мать ежеминутно наклонялась к ней и шептала:

— Помолчи, Люсьенна. Не надо разговаривать.

Наконец ребенок умолк. Кстати, документальный фильм заканчивался, и снова загорелся свет.

По рядам прошла билетерша с корзинкой сладостей, тускло гундося названия.

— Хочу конфеток! — попросила девочка.

Случай представлялся уникальным — маневр, правда, лишенный всякой оригинальности. Зато беспроигрышный. Я находился между билетершей и соседкой. Можно было купить пакетик леденцов и, протянув его ребенку, пробормотать: “Вы позволите, мадам?”

Вместо этого я продолжал сидеть, натянутый, насупившийся, и пальцем не пошевелил, чтобы передать пакетик, когда билетерша, поравнявшись со мной, потрясла им над моей головой.

Антракт закончился. Я с нетерпением ждал, когда погаснет свет. Спешил вновь обрести ту, полную сдержанности, близость. О фильме я не знал ровным счетом ничего, вплоть до названия. Меня меньше всего это интересовало.

На экране поплыл какой-то текст, но у меня не было ни малейшего желания его читать. Ко мне возвращалось то блаженное состояние, которое я испытывал в ресторане. Прежде всего, чувство уверенности, что предстоит пережить мгновения подлинного счастья.

Девочка уснула. Она начала было чуть-чуть похныкивать, стараясь поудобнее устроиться в кресле, но ей это не удавалось. Тогда мать взяла ее на колени. Ножки ребенка задевали мои ноги.

— Простите, пожалуйста, — прошептала соседка.

— Ничего. Я... Вы можете положить ее.

Но она, напротив, прижала ладонью лодыжки ребенка, чтобы та невзначай не ударила меня.

Ладонь эта меня гипнотизировала. Я немножко подождал, пытаюсь подавить желание нежно схватить ее и сжать в своей. Мне необходимо было это прикосновение. Я представлял его в своем воображении. Кожей угадывал ее кожу. Я мог бы попытаться схитрить, принять такую позу, облокотившись на подлокотник, которая позволила бы мне, по возможности непринужденно, приблизить свои пальцы к ее пальцам и прикоснуться к ним так, чтобы ее не шокировать.

Но я опять не посмел. Просто повернулся к ней. Она тоже на меня посмотрела, и я взял ее руку в свою. Она отпустила ножки ребенка. Наши пальцы раскрылись. Потом сжались.словно для совместной молитвы. Ощущение было странное. Пугливое, полное неги.

Я чувствовал себя сильным, и шесть лет в одно мгновение перестали существовать. Я был вместе с Анной. Она по-прежнему была жива, она меня любила.

Почему мне так хотелось повернуться к незнакомке и сказать: “Я люблю вас”? Потому что я и в самом деле ее любил?

Многие считают, что любовь — это завершение. Но я полюбил и Анну, и эту женщину с первого взгляда, которым мы обменялись.

Мы долго так сидели, скрестив пальцы и занимаясь любовью рук. Затем неожиданно девчужка дернулась и заплакала во сне. Мать убрала руку, и я испытал страдание.

— Сейчас мы пойдем домой, Люсьенна. Ты ляжешь в свою кровать, — прошептала она заснувшему ребенку.

— Если вы не против... — пробормотал я, подхватил ребенка и встал. Девочка была тяжелой, но спящее некрасивое личико выглядело прекрасным и трогательным.

Я вышел через боковой проход вместе с женщиной. Оказавшись в вестибюле, мы посмотрели друг на друга при резком свете неона. Она выглядела несколько натянутой, и я опасался, что это реакция на мою дерзость.

— У вас есть машина?

— Нет, я живу довольно близко отсюда, месье. — Привычным материнским движением она хотела взять ребенка на руки. — Благодарю вас... Ей пора спать.

— Я провожу вас!

Она без сомнения ждала этого, тем не менее, что-то, — не могу определить, что именно, скорее какая-то нерешительность, — промелькнуло в ее глазах. Она застыла, протянув к ребенку руки. Затем они скользнули вниз.

— Спасибо. — И пошла, не оборачиваясь.

Мне нелегко было за ней поспевать, так как ноша моя становилась все тяжелее и тяжелее. Ведь я впервые в жизни держал ребенка на руках и никогда не думал, насколько это волнительно. Я шел вперед с осторожностью, боясь оступиться и упасть с драгоценным грузом.

Так мы следовали друг за другом до конца улицы; затем она повернула направо, в направлении нового квартала, который мне был незнаком, так как строительство его только начиналось к моменту моего отъезда.

Место это освещалось хуже. Магазинов уже не было, не было больше ни продавцов устриц, ни рождественских елок, разве что в квартирах: в окнах виднелись украшавшие их разноцветные лампочки.

В тени вырастали светлые здания. Женщина направилась в их сторону. За то время, что мы шли, она не сказала мне ни слова. Можно подумать, что забыла и о дочери, и обо мне.

Два или три раза малышка хотела вырваться из моих рук, и мне пришлось крепче прижать ее к груди, чтобы успокоить.

Я уже был без сил, когда она остановилась перед новехоньким металлическим порталом, на котором желтыми буквами, обведенными черной краской, было написано:

“Заведение Ж. Драве — Переплетная мастерская”.

Она достала из кармана ключ и толкнула створку двери. Я посмотрел на темное, таинственное пространство, простиравшееся за прикры-

той дверью. Неясно различался дворик, где под навесом стояли два грузовика. В глубине возвышались трехэтажные строения, на чьих остекленных стенах отражался свет уличных фонарей, находившихся на перекрестке. Все было новым, безмолвным, погруженным в черноту.

Мы обменялись тем же взглядом, что и в вестибюле кинотеатра.

— Вот, — прошептала она и добавила, возможно, очень простые слова, которые впоследствии, однако, приобрели странное значение: — Здесь!

Что это — прощание или, скорее, приглашение?

— Мне следует оставить вас здесь?

Не ответив, она вошла.

Это было приглашением.

Первый визит

С обеих сторон двора, под стеклянной крышей, горой громоздились пачки бумаги. Мастерские занимали его глубинную часть. Справа находилась широкая металлическая дверь, выкрашенная в черный цвет с грубо сделанной по трафарету надписью: "Частные апартаменты".

Женщина открыла дверь; протянула руку внутрь и повернула выключатель, но свет не зажегся.

— А, правда, — пробормотала она, воздержавшись от разъяснений, взяла меня под руку и повела в темное помещение. Все более погружаясь в черноту, я продвигался, как слепой, опасаясь, что ребенок может удариться обо что-то головой.

Моя спутница остановилась. Немного пошарила, затем открыла дверь лифта. Вслед за ней я ступил в просторную металлическую кабину. Сквозь решетку, служившую потолком, я заметил два этажа сверху и задвижное окно, откуда падал едва различимый свет.

— Вы, наверное, устали? Она ведь тяжелая? — прошептала она в темноте.

Я чувствовал прикосновение ее бедра. Хотелось, чтобы это продолжалось всю ночь.

Металлическая кабина поднималась довольно медленно и внезапно остановилась. Спутница толкнула дверцу и придержала створку, пока я выходил с ребенком на руках.

— Осторожнее, тут ступенька.

Тьма была крошечная, так как задвижное оконце, сделанное в верхней части клетки лифта, было слишком мало, чтобы освещать лестницу.

Понадобился еще один, третий ключ, чтобы открыть дверь квартиры.

На этот раз выключатель сработал. Я оказался в вестибюле, выкрашенном белой краской. Двойная застекленная дверь напротив входа вела в салон.

Она провела меня туда. Такая же белая, как коридор, комната была невелика, и значительную ее часть занимала рождественская елка. Сколько волшебных деревьев я встретил сегодня, пока бродил по ули-

цам? Целый лес под Рождество! Эту елку украшали настоящие свечи, которые придавали ей больше выразительности, чем электрические гирлянды, составлявшие убранство всех прочих. Неброские предметы были развешаны на концах ветвей.

— Пришлось из-за елки убрать кое-какую мебель; в лесу она, небось, маленькая, зато здесь!.. — пояснила женщина.

В комнате стояли кожаное канапе, кресло, передвижной бар, на низком столике — проигрыватель.

— Садитесь и сами себе наливайте, что хотите! Я уложу Люсьенну, это быстро — несколько минут! Вы любите Вагнера? — Она включила проигрыватель, настроила его и грациозным движением взяла у меня из рук ребенка. — Выбирайте в баре: коньяк, виски, черри...

— Немножко коньяку.

— Коньяк в большой бутылке слева.

Я схватил бутылку и перевернул коньячную сферическую рюмку, поставленную вверх дном на белую салфетку. Робко ее наполнил.

Она улыбнулась.

— Вы меня простите?

— Ради Бога.

Она вышла, прикрыв за собой дверь. Я расстегнул пальто и ради приличия стал разглядывать елку. В самом деле, странный вечер! Я понятия не имел, как далеко зайдет приключение, но не сомневался, что это именно приключение!

Я сунул руку в карман и почувствовал, что пальцы мои наткнулись на края картонной коробочки, в которой лежала сделанная вечером покупка. Тогда мне пришлось в голову повесить на елку клеточку с желто-голубой птичкой, усыпанную серебристыми блестками. При этом я испытал поразительное удовольствие. Она покачивалась на конце ветки, как колокольчик, при этом кварцевая серебристая пыльца чуть-чуть осыпалась. Внутри трепетала бархатная птичка, сидевшая на жердочке.

Я скомкал картонную коробочку и сунул ее в карман. Мое приношение дереву должно было оставаться тайной, чтобы стать чудом.

Не исключено, что хозяйка дома и ее дочь так ничего и не узнали бы, но не исключено также, что, обнаружив игрушку, они стали бы теряться в догадках.

Я бросил пальто на канапе и взял в руки рюмку с коньяком. Давненько не приходилось мне его пить. Это был коньяк высшего качества. От первого же глотка я пришел в состояние эйфории. Да что там говорить, внезапно нахлынувшего счастья!

Четверть часа спустя вернулась хозяйка и подошла к бару.

— Итак, что мне выпить? Может, рюмочку куентро? Или черри?

Я смотрел на нее с тайным восхищением. Мне нравились ее изящество и непринужденность. Наблюдать за тем, как она двигается по комнате, наливает себе капельку черри, поднимает рюмку, обращая ко мне молчаливый тост, смачивает губы рубиновым напитком, — было непередаваемым удовольствием.

Она подошла к проигрывателю и уменьшила громкость.

— Так вы живете в этом квартале?

— Да, мадам. Но я отсутствовал целых шесть лет и вернулся только сегодня, во второй половине дня.

— Это, должно быть, так волнительно... особенно в канун Рождества! — Голос ее был спокоен, модуляции чуть глуховатые. — Вы вернулись специально к Рождеству?

— Нет. Так получилось.

— Далеко уезжали?

— Да, очень далеко.

Пластинка кончилась. Она вытащила вилку, и воцарилась глубокая тишина. Чувствуя, что я не договариваю, она не смела меня расспрашивать. Мне, однако, хотелось, чтобы меня расспрашивали. Хотелось говорить при одном условии: не брать на себя инициативу разговора. Мне требовался толчок.

— Вас, наверное, ждут к рождественскому ужину?

— Нет, мадам. Я одинок, как и вы. Вы ведь это почувствовали?

— Да, верно. — Задумавшись на мгновение, она добавила: — Мне бы хотелось...

— Вам бы хотелось?

— Рассеять двусмысленность... относительно... своего поведения, которая могла, быть может, возникнуть в вашем сознании... — Ей было трудно формулировать мысль, и она казалась ужасно смущенной.

— Какую двусмысленность?

— Полагаю, когда господин садится в кинотеатре рядом с дамой, с незнакомой дамой, когда этот господин берет руку дамы, а она своей руки не отнимает, этот господин, должно быть, воображает, что одержал легкую победу?

Я мотнул головой:

— Мне нелегко было взять вашу руку, а вам позволить мне ее взять.

Она медленно отпила глоток черри.

— Вы мне, наверное, не поверите, если я вам скажу, что подобное со мной случилось впервые?

— Почему бы мне вам не поверить, если речь идет о ночи, которой полагается быть чудесной?

Она улыбнулась мне одной из своих странных, удивительно волнующих улыбок.

— Спасибо. Мне хотелось, чтобы вы взяли мою руку... Я была в таком отчаянии.

— Да и я тоже!

— Может, расскажете?

— О! Знаете, это драма семейная. Если ее пересказывать словами, она теряет все, что в ней есть таинственного и напряженного, так что...

— Может, все-таки попробуете?

— Семь лет назад я получил диплом инженера и удачно устроился на работу, но случилось несчастье.

— Что за несчастье?

— Я влюбился.

— Наверное, это могло бы стать огромным счастьем...

— И я вначале так думал. Только она была замужем за моим патроном... Мы сбежали. Я все бросил, в том числе старую мать, которая выжимала из себя все соки, чтобы дать мне возможность учиться, бросил работу, словом, все!

— И что потом?

Вот уже много лет я ни разу никому не говорил об Анне. Заживо погребенные образы вновь оживали. Я видел, как Анна лежит в постели, в гостиничном номере, ее голая грудь выбилась из ночной рубашки. Вот Анна на берегу моря: ее волосы треплет ветер. Анна смеется, Анна плачет! Анна мертва.

— Она умерла!

— Ах, вот как! Ужасно!

— Действительно, ужасно. А потом... я уехал.

— Я вас понимаю.

— За время моего отсутствия мама тоже умерла, и мир для меня стал каким-то кладбищем без крестов, он полон могил и призраков. А сегодня я вернулся в этот разоренный мир. Вернулся в свою квартирку, в двух шагах отсюда. Вместо рождественской елки нашел там пожелтевшую ветку букса в стакане, в котором когда-то была святая вода. Я не выдержал, вышел на улицу. В ресторане увидел вас с дочкой. Для меня вы теперь вечно будете воплощать жизнь!

— То, что вы говорите, прекрасно. Утешительно, конечно, что для кого-то представляешь нечто, хотя для самой себя — разве что в самой малой степени!

Я протянул ей руку, она вложила в нее свою. На этот раз пальцы уже не сжимались испуганно в темноте, не было в этом контакте ничего незаконного — жест непринужденный, скорее, выразивший человеческую солидарность, чем украденную ласку.

— Расскажите о себе, раз уж мы начали говорить друг о друге...

— Я нахожусь по другую сторону.

— То есть?

— Там, где господин, у которого вы отняли жену.

Она умолкла. Я горел нетерпением узнать, что дальше, но не смел топить ее с признаниями.

— Для меня тоже прошло семь лет. Я занималась изящными искусствами, хотела стать художником-оформителем в кино. Встретилась с человеком, за которого собиралась выйти замуж, очень красивого, богатого, у него была спортивная машина, производившая на меня неотразимое впечатление. Современные девушки нередко выходят замуж за автомобиль. Болезнь века! Мне казалось, что он перенесет меня в рай в хромированном багажнике своего "ягуара". Когда он сделал мне предложение, я не сказала "да", я чуть не крикнула! У него возникли трения с родней, так как я небогата. Мой отец в прошлом был офицером. Когда в семействе Драве узнали, что папа может надеть форму по случаю свадьбы, они сдались: полковник — это почти свадебный генерал.

Она опять умолкла, как бы давая волю воспоминаниям. А мне захотелось сказать ей, что я люблю ее.

— Раз на носу Рождество, могу я сказать вам, что люблю вас?

— О, да! Можете! Можете! Как давно никто мне этого не говорил!

— Продолжайте.

— Вас интересует моя история?

— Это не история.

— Нет, даже не история, — прошептала она. — В общем, я вышла замуж за этого элегантного юношу. Его родня построила небольшое предприятие по брошюрованию. Родилась Люсьенна... Только в жизни всегда есть некое несоответствие, оно-то все и уничтожает. В вашем случае несоответствие возникло оттого, что вы полюбили жену патрона.

— А в вашем?

— Оттого, что Люсьенна родилась через шесть месяцев после свадьбы и через семь месяцев после моей первой встречи с Жеромом. Она была самым красивым ребенком в акушерской клинике. Ничего похожего на недоношенную, — добавила она с горьким юмором.

Ее история была столь же тривиальной, как и моя, только менее романтичной.

— В промышленных кругах такими вещами не шутят! — вздохнула она.

— Развод?

— В католических промышленных кругах не разводятся!

— А вы не предупредили... своего жениха... насчет того, что вы ожидаете...

— Нет. Я не... Можно ли вообще рассказывать о таких вещах? Я ведь не рассчитывала, что эти самые ожидания сбудутся. До встречи с Жеромом я позволяла себе некоторые... Ну, скажем так: некоторые "ложные шаги".

— И что потом?

— Последствия оказались драматическими: разрыв отношений с роскошным семейством. Затем охлаждение — это довольно точное слово, — очень быстрое охлаждение мужа. Вначале все было не так уж скверно, так как он завел себе любовниц. Но однажды у него осталась только одна любовница, и мое существование превратилось в пытку. Я его почти не видела. Он спускался вниз, чтобы заниматься делами. Когда же поднимался домой, то лишь для того, чтобы ударить по лицу Люсьенну и обозвать меня шлюхой. — Она наполнила до краев мою рюмку, сама себе плеснула капельку черри. — Странная рождественская ночь, правда? Мы встретились всего час назад, мне не известно ваше имя, вы же знаете, как зовут моего мужа. Однако мы сразу рассказываем друг другу все о своей жизни.

— Извините, мадам. Меня зовут...

Она живо прикрыла мне рот ладонью.

— Нет, прошу вас, можете не представляться. Так гораздо лучше. Успеется... А теперь мне хотелось бы вас попросить об одной вещи...

— Все что угодно.

— Выйдем отсюда! Малышка спит, а сон у нее крепкий. Я могу себе позволить оставить ее одну на час или два. Мне бы так хотелось посмотреть на Рождество где-нибудь на улице, под руку с женщиной. Пойдемте?

Она взяла мою рюмку, которую я поставил на камин, и переставила ее на верхнюю полочку передвижного бара. Затем погасила свет в гостиной, в прихожей, взяла меня за руку и открыла дверь грузового лифта. Так и держала ее, пока он опускался. Мне нравилось это странное ощущение погружения, которое всегда испытываешь при спуске кабины лифта.

Держась под руку, мы радостно семенили по пустынным улицам, казавшимся гигантскими в этот час. На одном из перекрестков часы со светящимся циферблатом показывали без двадцати одиннадцать.

— Вы верите в то, что ночь перед Рождеством не такая, как все прочие? — спросила она меня.

— Конечно, раз люди так договорились!

— Вы неверующий?

— Когда как. Я не то, что другие: верую, когда счастлив.

— А сейчас вы счастливы?

— Да.

Внезапно она остановилась:

— Мне бы хотелось, чтобы вы пригласили меня к себе!

— Я не смею.

— Почему?

— Это мрачный дом, к тому же в нем так долго никто не жил.

— Это не имеет значения. Мне хотелось бы понять.

— Понять?..

— Вам это неприятно?

— Меня это смущает, но раз вы хотите...

И мы пошли по моей улице. Это была довольно посредственная и освещенная хуже, чем соседние, улица. Вдоль противоположного тротуара не торопясь бежал пес, он, казалось, был доволен и знал, куда направляется, иногда степенно останавливался, чтобы понюхать стену.

— Вот, — сказал я, остановившись перед домом.

Облезлый фасад походил на обгоревшую и не зажившую кожу. Входная дверь была открыта, и в подъезде гулял коварный сквозняк, пропахший дурными запахами.

Я на ощупь поискал выключатель.

— Не надо, не зажигайте свет, так больше таинственности, — предложила она.

Мы поднялись по деревянной лестнице, покрытой ковровой дорожкой только до второго этажа. Посередине ткань была совершенно вытертой. Начиная со второго этажа, приходилось ступать по деревянным ступеням, каждая из которых резонировала, как барабан. Крутые перила слегка прилипали к пальцам: мне было стыдно и за это, и за запах хлорки, от которого пощипывало в носу.

Раньше, когда приходилось открывать свою дверь уже после того, как таймер отключал электричество на лестничной клетке, я одним безошибочным движением вставлял ключ в замочную скважину. Но в тот вечер мне понадобилась, по меньшей мере, пара минут, пока я с этим справился.

Прихожая у нас освещалась плоским колпаком из желтоватого стекла. Он был подвешен к потолку с помощью тройного плетеного провода,

заканчивающегося шишечками, где вольно жилось паукам. По стенам обои сморщились от сырости.

— Со времени смерти вашей матери кто-нибудь занимался этой квартирой?

— Занималась консержка, но, как видите, очень плохо.

Я провел спутницу в столовую.

— Реалистическая картинка, а? — пошутил я, указывая на бедную мебель, медные кашпо, вышитые салфеточки, металлические шторы, абажуры из бисера и развешанные по стенам отвратительные олеографии.

Она не ответила.

Я показал ей овальный столик, на котором возвышалась бронзовая статуэтка — гордость моей матери, — представлявшая собой атлета с немислимыми мускулами, толкавшего колесо. Уже одно только колесо могло рассмешить. Да и атлет, казалось, вот-вот лопнет из-за такой чепухи.

— Вот здесь, на этом столе, — пояснил я, — готовились домашние задания, так как, за исключением торжественных случаев, мы ели на кухне. Сколько же лет я думал, что все это соответствует хорошему тону. И вдруг однажды убедился, что есть чего стыдиться. Тем не менее я продолжал любить эту обстановку. А главное — ощущение безопасности, которое я навсегда утратил.

У нее в глазах стояли слезы.

— Вы будете здесь жить, как и прежде?

— Не знаю.

— У вас пока нет планов?

— Я думаю снова уехать. Только прежде хочу попробовать побыть здесь. Из-за матери, понимаете? Она умерла одна, в мое отсутствие. Но я попытаюсь воздать ей тем же, пожить тут один, когда ее нет!

Голос у меня дрогнул, мне же казалось, что он окреп. Я прислонился лбом к стене и прижал к глазам сжатые кулаки так сильно, как только мог.

Из соседней квартиры по радио доносилось "Вернись в Сорренто"... Женщина дотронулась ладонью до моего плеча, и я почувствовал, как она прижалась головой к моей спине.

— Скажите все-таки, как вас зовут, — прошептала она.

Прогулка

Она села на мою кровать. Вполголоса повторяла мое имя: "Альбер... Альбер..."

Увидев ее на постели в расстегнутом манто, я подумал, что она была первой женщиной, кто проник ко мне в спальню, и, кажется, покраснел.

— Вы странным образом напоминаете мне женщину, которую я любил.

— Правда?

— Может быть, некрасиво говорить вам об этом именно сейчас?

Она сделала неопределенный жест, который означал: "не имеет значения".

— Какой она была? — спросила госпожа Драве.

— Я вам уже сказал: похожа на вас. Чуть менее яркая брюнетка, может быть, чуть повыше вас. Но овал лица тот же, такие же глаза, и яркие, и задумчивые.

— Из-за этого сходства вы и обратили на меня внимание?

— Нет.

— Вы все еще любите ее?

Вопрос меня смутил.

— Какова бы ни была сила чувства, которое человек испытывает к умершему существу, это уже вряд ли любовь.

Я опустил ее на колени на старенький коврик. Сжал ее ноги горячими руками, а тем временем ее длинная красивая рука тянулась к моему лицу — жест нежной и печальной ласки.

— Вы, Альбер, навсегда останетесь маленьким нелюдимым мальчиком!

— Почему?

— Не знаю, но я это чувствую.

Я выпустил ее ноги и взял ее руку в свою. Поднес к губам. Кожа у нее была тонкая, шелковистая, потрясающе нежная и теплая.

— Самая красивая рука на свете, — пробормотал я.

Она слегка улыбнулась удовлетворенной улыбкой.

— Мне нравится, что вы заметили, какие у меня руки. Вообще мужчины редко говорят женщине о ее руках.

В это мгновение на кончике рукава она увидела два крохотных красноватых пятнышка. Между ними было довольно большое расстояние, и, хотя они были действительно крохотными, однако четко проступали на светлой ткани платья.

— Что это за пятнышки? — прошептала она, понимая, что я тоже их заметил.

Я рассмеялся.

— Разве можно назвать пятнышками булабочные головки?

Мой игривый тон ее не успокоил. Она действительно была раздосадована. Достаточно ведь такого пустяка, чтобы разрушить состояние умиротворенности. Еще за несколько секунд до инцидента с платьем оба мы ощущали себя в какой-то ирреальной среде. Эта женщина уже принадлежала мне. Все, что мы говорили, все, что мы делали, даже наше молчание, все вело нас к одному логическому завершению: к физической любви.

И вот все кончилось. Очарование исчезло. Мы вновь, как и прежде, остались растерянными и одинокими, бесконечно одинокими в разгар этого странного Рождества.

— Надо бы немного воды, чтобы попытаться это оттереть.

В квартире не было ванной комнаты. В течение двадцати лет я мылся над раковиной. Я привел ее на кухню. Хотя писал консьержке, чтобы она аккуратно вносила плату за коммунальные услуги, когда я повернул водопроводный кран, не вытекло ни капли.

Моя спутница казалась расстроенной.

— Идемте, найдем какой-нибудь бар, — вздохнул я.

Итак, мы снова вышли на улицу. Когда она была уже за порогом, я подумал, ведь помолчали бы мы еще минуту, и я заключил бы ее в свои объятия. На меня навалилась болезненная тоска, и всю мою плоть пронзило огромное сожаление.

Сколько раз в молодости, лежа в холостяцкой постели, я в мечтах сжимал в объятиях женщину? Всегда другую, новую. Своей призрачной партнерше я придавал облик девушек, которых повстречал в течение дня: улыбнувшейся мне продавщицы, элегантной дамы, на которую я лицемерно взирал, когда та выходила из машины, иногда речь шла просто-напросто о какой-нибудь актрисе, чей портрет красовался на обложке иллюстрированного журнала.

Много лет спустя, гораздо более чудесным, чем в мечтах, образом, я их едва не осуществил.

— Вы, кажется, удручены? — заметила она, когда мы вновь зашагали без цели по пустынным улицам.

— Да, немного.

— Почему, Альбер?

— Не называйте меня Альбер, умоляю вас.

— Я плохо произношу ваше имя?

— Нет.

Я не собирался хамить, меня занимало только одно: быть искренним.

— Чтобы называть мужчину по имени, его надо любить.

— Можно подумать, вы на меня обижены?

— Да, это так.

— Почему?

— Я считаю несправедливым испытывать по отношению к вам чувство, которое вы не разделяете.

— Кто вам сказал, что не разделяю?

— Вижу. Любовь с первого взгляда, истинная любовь, — удел мужчин. Женщины — существа слишком здравомыслящие, чтобы в считанные мгновения достигнуть вершин любви.

Она остановилась и попросила:

— Поцелуйте меня. — В ее голосе слышалось что-то похожее на отчаянную решимость.

Я схватил ее за талию и с силой прижался губами к ее рту. Ее поцелуй буквально свел меня с ума.

Когда мы отпустили друг друга, то зашагали быстро, как люди, которым страшно.

— Только что в вашей спальне вам хотелось... правда?

— Да.

— И вы немножко на меня сердитесь?

— Уже нет. Так лучше.

Она пожала плечами.

— Конечно, так лучше. Надо быть мужчиной, чтобы думать наоборот.

Мы проходили мимо большого кафе, битком набитого посетителями. Вошли, встали за стойкой, так как все столики были заняты. Гремел автоматический проигрыватель. Молодые нарядные люди в бумажных фесках на голове свистели в свистульки и дудочки в аккомпанемент музыки. В глубине заведения четверо пожилых мужчин играли в карты. Рождественская ночь! Какой восторг!

— Извините меня, я сейчас.

Легкой походкой она направилась к умывальникам, ловко маневрируя среди завсегдатаев кафе. Я заказал очень крепкий кофе и принялся ее ждать, глядя, как работает музыкальный автомат в разноцветных лучах подсветки. Подобно точильному кругу, вертикально крутилась пластинка, рычаг звукозаписывающего аппарата напоминал шатунный механизм.

— Ну вот, инцидент исчерпан!

Она показала мне мокрый конец рукава.

— Что это было?

— Брызги от красной свечи.

Подобное утверждение меня смутно покорило. Я ведь разглядел оба пятнышка и прекрасно знал, что это не стеорин.

— Что будете пить?

— Ничего. Мне пора возвращаться. Не забывайте, что дочь осталась одна.

В лунном свете предприятие Драве походило на поочередно сложенные кубики. Стены еще не покрылись городской сажой, и наружная штукатурка светлела в черноте декабрьской ночи.

— Ну вот, пора расставаться, — вздохнула госпожа Драве. — Который час?

Я взглянул на часы:

— Без четверти двенадцать.

— Через пятнадцать минут еще раз родится Сын Божий. Вы верите в то, что, в конце концов, однажды он искупит грехи человечества?

Мне вдруг стало безумно грустно.

— Мне наплевать на грехи человечества, мадам Драве. Мне вообще плевать на человечество! Кто меня интересует, так это вы. Я болен от одной мысли, что мы с вами, может быть, никогда больше не увидимся...

— А мы увидимся!

— В жизни иной? — пробормотал я.

— Не будьте несправедливы. Не хотите ли выпить последнюю рюмку в ожидании вещей полуночи?

— Да! Да! Да!

Она снова открыла темные ворота. Я оказался во дворе, где вдоль стены выстроились грузовички, а за стеклянной стеной громоздились горы бумаги, пахло клеем и картоном.

— Что он брошюрует, ваш брошюровщик? Книжки?

— Да. Но главным образом изготавливает записные книжки...

Когда мы снова очутились в грузовом лифте, она вдруг прижалась ко мне и, пока поднималась железная клеть, подарила такой же горячий, такой же страстный, как и первый, поцелуй.

Лифт остановился, а мы все еще продолжали наши безумные лобзания.

— Иди! — вдруг сказала она, оттолкнув меня и сделала столь резкое движение, что я буквально развернулся вокруг своей оси. Открыла раздвижную дверь и, будто машинально, повторила, как и в первый раз:

— Осторожно, ступенька!

Второй визит

Мы бесшумно вошли в квартиру, стараясь не разбудить спящего ребенка. Закрыв дверь, она зажгла свет и вдруг испустила крик. Даже не крик, а стон.

— Что такое? — взволнованно пробормотал я.

Она не отрываясь смотрела на вешалку в прихожей. Там висело темно-серое пальто с бархатным воротничком.

Однако этого пальто не было, когда мы выходили из квартиры.

Пальто ее гипнотизировало. Она сдерживала дыхание и прислушивалась, словно пыталась угадать в тишине характер опасности.

Ибо существовала опасность!

Я предчувствовал это с такой уверенностью, что она убивала во мне всякий страх.

— Это пальто вашего мужа? — прошептал я.

Она утвердительно кивнула и проворным жестом закрыла мне рот. Я отстранил ее руку и удержал в своей, как бы стараясь передать ей частицу своего мужества. Слышал, как бешено колотится ее сердце. Наменно четко артикулируя каждый слог, чтобы он был абсолютно ясен, но не произнесен вслух, я спросил:

— Он не должен был возвращаться?

Она мотнула головой: «нет».

— Может, он зашел переодеться и опять вышел?

Она пожала плечами.

Слышались только свистящие согласные. Наверное, я был похож на глухонемого.

Казалось, женщину в меньшей степени тревожила опасность, которую являло собой это присутствие, чем его необычность.

— Хотите, чтобы я ушел?

Я боялся, что, предлагая это, выгляжу трусом. Ухажер, который смывается в подобных случаях, — жалкий тип. Кстати, у меня не было ни малейшего желания бежать. Я был настроен на то, чтобы пренебречь негодованием ревнивого мужчины. Была во мне какая-то невосребованная энергия, искавшая выхода.

Она колебалась, подыскивая ответ. Смятенное состояние ее ума мне было понятно. Она не знала, следует ли нам бежать, или, наоборот, противостоять опасности.

Внезапно она решила и твердо выкрикнула:

— Жером, ты дома?

Тишина! Поразительная тишина, которая ударяла по натянутым, как струна, нервам.

Я пожал плечами.

— Ну, я же говорю, он опять уехал. Не обнаружив вас, решил провести остаток ночи в другом месте...

Движением век женщина приняла эту гипотезу. В гостиной не было никого. Она прошла в конец коридора, открывая двери, одну за другой. Одна вела в детскую, где спал ребенок. Я подошел и увидел маленькую Люсьенну, которая спокойно спала в кроватке из светлого дерева. По стенам были развешаны фанерные ярко раскрашенные утята, на ковре валялись игрушки.

Напротив комнаты малышки находилась дверь в спальню. Там никого не было.

— Вот видите, никого!

Для очистки совести она заглянула на кухню, затем в столовую.

И там никого!

Тогда она, кажется, успокоилась.

— Не понимаю, почему он пришел так поздно. Это совершенно на него не похоже...

— Может, хотел пожелать вам счастливого Рождества?

— Он! Сразу видно, вы его не знаете! В самом деле, загадка... Пойдемте, выпьем. Скоро полночь.

Я обнял ее за талию.

— Уже полночь! Слушайте!

Ближайшие башенные часы начали медленно отсчитывать двенадцать ударов. Их низкий колокол вибрировал в неподвижном ночном воздухе.

— Обними меня. Мне страшно, — вдруг взмолилась она.

Я снова заключил ее в объятия.

— Крепче! Крепче! Мне страшно...

Ее охватило сильнейшее возбуждение. Она прижималась ко мне так иступленно, что это пугало меня.

— Что вы, успокойтесь! Чего вы так испугались? Я здесь...

Она распахнула застекленную дверь гостиной и включила свет.

Зрелище было ужасающим. На канаве, где я сидел во время своего предыдущего визита, полулежал мужчина. Одна нога была на подушках. Спинной он опрокинулся на подлокотник. Левая рука повисла вдоль тела, правая, как бы вывихнутая, лежала между щекой и спинкой канаве. Череп был скальпирован. Между правым виском и макушкой головы зияла залитая кровью рана. Пуля вдребезги разбила черепную коробку и рикошетом отскочила в потолок, выбив большой кусок штукатурки. Глаза покойного были закрыты, губы приоткрыты, спереди во рту торчал золотой зуб.

Женщина не сказала ни слова. Она напонила мне молодое деревце, которое подрубили топором у основания, но оно еще не упало. Я быстро схватил ее за плечи, пытаюсь оттащить в прихожую. Она была бледна, как полотно, подбородок ее дрожал.

— Это ваш муж? — наконец спросил я.

— Да.

Я вернулся в маленькую гостиную. Покойник рядом с рождественской елкой казался фантасмагорией. Это был мужчина тридцати двух

или тридцати трех лет, черты лица которого выдавали некий аристократизм. Слегка выдающийся вперед квадратный подбородок изобличал человека действия.

Я осторожно обошел вокруг канапе. Я не собирался ни к чему прикасаться, хотел только осознать случившееся. Заметил револьвер, который завалился за спинку дивана. Умирая, он выронил его.

Прошло уже некоторое время с тех пор, как он умер. Вероятно, вскоре после нашего ухода. Он сильно истекал кровью, и кровь разлилась по подушкам. Я искал, нет ли рядом письма, объяснявшего мотивы его поступка, но ничего не нашел. Быть может, позднее такое письмо будет найдено у него в кармане...

Легкий шум заставил меня повернуть голову. Женщина стояла в дверях, прислонившись головой к косяку. Она смотрела на умершего мужа скорее недоверчиво, чем испуганно.

— Он действительно умер? — спросила она.

— Да.

Вопрос был излишний. Когда у человека зияющая дыра в черепе, совершенно очевидно, что он не может быть живым. С какой стати, черт возьми, ему пришла в голову мысль покончить с собой у этой веселой елки, воплощавшей жизнь?

Бар с ликерами по-прежнему находился рядом с канапе. Тут же стояли две рюмки, в которых оставалось соответственно немного черри и немного коньяку.

— Чудовищно, — прошептала мадам Драве, подойдя ближе к покойному.

— Не трогайте! Это очень важно! — посоветовал я.

— О, да!.. Для полиции?

— Вот именно, для полиции. В такого рода самоубийствах малейшая деталь имеет огромное значение...

— Самоубийство?

— Он пустил себе пулю в лоб, это очевидно.

Казалось, она не верила. Возникла пауза — от нерешительности. Мы знали, что надо принимать какие-то меры, но действовать осмысленно было трудно.

Я думал, каково ей. Испытывала ли она горе? Чуть не задал ей такой вопрос, но в присутствии трупа это было неуместно.

— Надо звонить в полицию?

— Разумеется.

Но она не пошевелинулась. Рана на черепе покойного ее завораживала. Все произошло только что и с поразительной быстротой. Доказательство: часы на башне все еще отбивали полночь. Мгновенность кошмара! Человеку грезятся страшные приключения, он борется с бесчисленными проявлениями колдовства и порчи, а затем вдруг убеждается, что фантазмагория длилась всего лишь миг. Однако то, что касалось нас, имело продолжение. Труп был действительно трупом, с которого мы не сводили глаз, и все же мы надеялись, что вот-вот заметим дрожь в распростертом теле! Старались внушить себе нечто подобное. Ждали, что дурной сон кончится, но это был не сон. Жизнь непредсказуема!

Наконец госпожа Драве опомнилась и быстро вышла из комнаты. Я слышал, как она удаляется по коридору. Через секунду задвигался телефонный диск. Тогда мне в голову пришло нечто ужасное!

Как сумасшедший, я выскочил из гостиной.

Она сидела в спальне на пуфе, держа телефон на коленях, и уже почти набрала номер, когда я вырвал аппарат у нее из рук. Телефонная трубка упала на туалетный столик, опрокинула и разбила флакон духов. Резкий аромат туберозы мгновенно распространился по комнате.

Молодая женщина, казалось, потеряла голову.

— В чем дело?..

— Подождите секунду, прежде чем вызывать полицию.

То, что предстояло ей сказать, было так трудно!

— Но это же необходимо! — запротестовала она.

— Да, необходимо. Только вам нельзя говорить обо мне с полицейскими! Мне нельзя быть замешанным в подобную историю.

Она была весьма подавлена, но здравомыслия не утратила. В ее взгляде я увидел огонек презрения. Внезапно для нее я становился ловеласом, раздосадованным тем, что впутался в неприятную историю, потерявшим голову из-за возможных осложнений.

— О, знаю, о чем вы думаете, но вы ошибаетесь: если я вас об этом прошу, то только потому, что это в ваших же интересах. Мое присутствие этой ночью в вашем доме может вам навредить. Я совершенно неподходящий свидетель.

Она почти перестала дышать. Рот слегка приоткрылся, глаза округлились, казалось, она вот-вот упадет в обморок. Ее состояние прострации меня испугало.

— Вам плохо?

— Нет, говорите!

Говорите! Это было самым трудным после того, что произошло!

— Я рассказал вам о себе в начале вечера. Только не все, так как продолжать рассказ язык не поворачивается...

— Говорите! Вы видите — у меня нет сил!

— Эта женщина, с которой я бежал... Спустя три месяца любовь ко мне стала ослабевать, она хотела уехать. Тогда я... убил ее! В порыве ревности! По крайней мере, мой адвокат так квалифицировал совершенное мною преступление. Меня судили в Экс-ан-Провансе и приговорили к десяти годам... Вчера меня выпустили из марсельской тюрьмы Бометт, сократив срок тюремного заключения.

Я проговорил все это без единой паузы, не сводя глаз с телефонного аппарата. Он был похож на дохлое животное. Я поднял его и положил трубку на рычаг.

— Я рецидивист, мадам Драве. Если полиции станет известно, что часть вечера я провел в вашем обществе, самоубийство вашего мужа покажется сомнительным, понимаете? Теперь-то я знаю копов, они готовы видеть все в черном свете, так, что хуже некуда!

Она схватилась за голову. Для нее кошмар продолжался. И продолжение было страшное.

— Но нас нельзя подозревать. Мы были вместе. Мы не расставались! — прошептала она.

— А кто это докажет? Вы и я. Если полиция заподозрит нас в соучастии, мы попадем в тот еще переплет. Потакают только богатеньким. Ведь я уже убил человека, понимаете?

Мадам Драве бросила на меня растерянный взгляд и слегка попятилась. До нее наконец дошло, что я убийца, и она испытывала чувство, знакомое любому в подобном случае: страх, смешанный с отвращением.

— Уходите!

— Да, мадам...

— Сию минуту убирайтесь! — крикнула она что есть мочи.

— Может, следовало бы договориться...

— Нет! Я вас не знаю! Никогда вас не видела, слышите?

— Как угодно. Только полиция...

— Это мое дело! Убирайтесь!

В замешательстве от ее недоброго взгляда, я, пятясь, вышел из комнаты. За два или три часа, что мы провели вместе, я представлял ее слабой и растерянной. И вдруг, в несчастье, она становилась странным образом холодной, полной решимости. Она вовсе не вела себя, как жертва. Во всем ее существовании было что-то безжалостное, причинявшее мне боль. Я пытался вспомнить гримаску нежности на ее лице, когда обнимал ее.

Это была уже другая женщина.

Оказавшись в прихожей, я отрезвел.

У меня было ощущение, что в квартире на каждом шагу расставлены ловушки на волков. Уходя, я вспомнил о коньячной рюмке, стоявшей в полуметре от трупа. На ней, конечно, остались четкие отпечатки моих пальцев.

Я вернулся в гостиную, чтобы протереть рюмку носовым платком. Кроме того, я протер горлышко большой бутылки с коньяком, затем, для очистки совести, край передвижного бара и мраморную доску камина. Потом отполировал до блеска дверную ручку гостиной.

Когда я засовывал носовой платок обратно в карман пальто, я наткнулся на смятую картонную коробочку, в которую была упакована елочная игрушка. Чуть не забыл! Не думаю, чтобы отпечатки пальцев сохранились на такой бархатистой поверхности, однако все-таки лучше перестраховаться.

Я подошел поближе к елке. Протянул руку за серебристой клеточкой. Да так и застыл с протянутой рукой: клетка с бархатной птичкой исчезла.

Я раздвинул еловые ветки, желая посмотреть, не упала ли она случайно, но напрасно: ее нигде не было. Кто-то позаботился, чтобы она исчезла.

Я услышал шаги госпожи Драве в прихожей.

— Еще не уехали? — удивилась она.

— Извините меня, мадам. Уже ухожу.

Она открыла дверь на лестницу. Кажется, прошептала "прощайте", но я не уверен.

Добрый совет

Дверь резко за мной захлопнулась, и я оказался в потемках. Снизу поднимался резкий запах клея. Я чиркнул спичкой, чтобы иметь возможность двигаться. Слева находилась лестница, передо мной — клеть грузового лифта.

Я ступил в металлическую кабину. Вытянутая в длину, она походила на кабину больничного лифта, приспособленного для того, чтобы поднимать людей в лежачем положении.

Я поискал пульт. Пламя спички уже касалось пальцев. Я заметил две кнопки: одну красную и одну черную. Красная находилась под черной. Я нажал. Кабина начала вяло опускаться, при этом ее трясло, как в лихорадке.

Увидев два грузовика, стоявших во дворе, я подумал о машине Драве. Он ведь не пешком вернулся домой? В таком случае, где его машина? Напрасно я разглядывал все вокруг, — ее не было видно. На улице ее тоже не было. Может, его кто-то подвез домой? Что если этот кто-то и унес мою клеточку, покрытую серебристыми блестками?

Исчезновение этого предмета смущало меня почти в той же степени, что и смерть брошюровщика.

Я прошел несколько шагов, раздраженно засунув руки в карманы пальто. Я был зол на весь белый свет. Протомившись в тюрьме шесть лет, истерзанный угрызениями совести, измученный бессонными ночами, более страшными, чем ночные кошмары, я вновь вляпался в кровь, угодил в эпицентр драмы, продолжая тащить за собой свою агонию. За шесть лет на мою долю выпало только два часа передышки — рядом с мадам Драве. Совсем немного.

Мне бы следовало бежать из этого квартала, мчаться со всех ног как можно дальше, оставляя позади радость и веселье, доступные другим.

Но таинственная сила удерживала меня возле дома. Я никак не мог примириться с этой странной ситуацией. Не мог согласиться с тем, что женщину, которой я был обязан, быть может, самыми возвышенными мгновениями своей жизни, оставляю одну, рядом со спящим ребенком и трупом мужчины. И всего-то два поцелуя, к тому же, как мы знали, без последствий, которые были между нами, соединили нас прочнее, чем неистовые объятия, крепче, чем законный союз, сильнее, чем таинство бракосочетания.

В сущности, она меня выставила вон. Я разочаровал ее тем, что был бессилен помочь ей. Она поняла, что в собственных ее интересах было, чтобы я исчез, поняла, но не приняла.

На другой стороне улицы раскинулась окруженная забором строительная площадка. Посреди бывшего пустыря возвышались гигантские подъемные краны, горы стройматериалов, что придавало этому месту сходство с портом.

У самого забора находился застекленный павильон автобусной остановки. Я нырнул под этот колпак. Приподнял воротник пальто и сел на каменную скамью.

Хотелось подождать, как будут развиваться события, и при этом быть рядом с ней. Может, я ей еще понадобится. Я не мог предвидеть, как они будут развиваться, но интуиция подсказывала, что все это не исключено. Полиция явится скоро. Установит случившееся. Как мадам Драве выпутается из затруднительного положения? Утверждать, что она была дома и не слышала выстрела, немислимо! С другой стороны, если бы она призналась, что выходила на улицу, если бы фараоны спросили, где именно она была, пришлось бы скрывать... Разве что... Ну конечно! Неплохо придумано!

Я вышел из павильона и бросился в направлении ближайшего кафе. Это было не то кафе, куда мы заходили, а маленькое бистро, где продавался уголь и подавали кофе; в эту ночь, в порядке исключения, оно долго не закрывалось.

В бистро было всего три столика и небольшая стойка. Узкое помещение делилось надвое. Во второй половине можно купить пакеты с древесным углем и вязанки хвороста.

Хозяева и подюжины завсегдатаев встречали Рождество. На столе стояла полная сковорода жареной куриной колбасы, приятно пахнувшей горячим сливочным маслом.

Сотрапезники порядком напились и не разговаривали. Даже вроде чуть ли не грустили. На меня посмотрели, как на незваного гостя.

— Можно позвонить?

Хозяин, плотный усатый коротыш с бугристым, как у жабы, носом, вздыхая, поднялся. В руках у него была салфетка.

— В соседнем магазине.

Он проводил меня и с изумительным бесстыдством принялся ждать, ковыряя кончиком ножа в зубах.

Прежде чем я покинул павильончик автобусной остановки, я, к счастью, запомнил номер телефона Драве, указанный на портале. Я набрал его как можно быстрее, но с тех пор, как попал в заключение, я утратил, кроме всего прочего, привычку пользоваться автоматическим диском. Пришлось набирать несколько раз.

Наконец звонок стал прослушиваться. Боже мой! Только бы полиции не было на месте!

Телефонный сигнал раздавался с ужасающей ритмичностью. Когда, уже отчаявшись, я собирался отказаться от своей попытки, кто-то снял трубку и, не произнося ни слова, хотя бы обычного инстинктивного "Алло!", стал ждать.

В горле у меня пересохло. Никаких сомнений: на проводе был инспектор полиции. Уж я-то знал полицейские штучки...

Голова лихорадочно работала. Что делать? Не говорить? Это показалось бы подозрительным. Сделать вид, что я не туда попал? Я чувствовал, что обманывать не в состоянии, и жалко пробормотал:

— Это я.

Голос мадам Драве показался мне пленительнейшей музыкой.

— Догадываюсь. Что вам угодно?

— Вы одна?

— Да.

— Вы предупредили...

— Я жду полицию.

— Я подумал, мне кажется... В общем, вы можете сказать, что ходили в церковь, на ночную мессу, чтобы объяснить ваше отсутствие.

— Это не ваша забота. Я настоятельно прошу никоим образом не входить со мной в контакт.

Она повесила трубку.

Усатый оверенец перестал ковырять в зубах.

В кафе сотрапезники пытались разговаривать, но язык им плохо повиновался.

— Эжен, у тебя рагу остынет, — позвала хозяйка.

— Иду.

Не дожидаясь, пока я выйду, она погасила свет во втором магазинчике. Гости посматривали на меня налитыми кровью пьяными глазами.

Когда-то мы с матерью завели обычай по-своему встречать Рождество. Запирались у себя дома. На мраморном сервировочном столике яставлял старые рождественские ясли с выщербленными гипсовыми фигурками, макет, изображавший сцену рождения Христа. На ужин у нас был холодный цыпленок и бутылка шампанского, и мы сидели весь вечер при дрожащем свете толстых свечей, которые иногда зажигали вновь на следующий год...

— Что закажете?

Я взглянул на хозяйина.

— Рюмку водки!

Он налил мне рюмочку чуть больше наперстка. Две капельки красного вина на цинковой стойке напомнили мне о двух пятнышках на рукаве мадам Драве. Я вспомнил, с какой поспешностью она постаралась их замывать, и уже не сомневался, что это была кровь.

Я расплатился и вышел, так и не выпив свою рюмку водки. И только пройдя несколько шагов, вспомнил о ней.

Само собой, я вернулся на автобусную остановку, чтобы понаблюдать за домом напротив. Полицейской машины у предприятия Драве не было видно. Может, в такую ночь дежурные полицейские перегружены? Что они мешкают? С тех пор, как я ушел из квартиры, прошло более четверти часа.

Когда я появился в доме госпожи Драве со спящей девочкой на руках, у меня возникло мимолетное чувство тревоги. Мне показалось, что я переступил порог таинственного лабиринта и углубляюсь в его темные ответвления. Теперь это ощущение возвращалось вновь, но с большей силой, с большей отчетливостью.

Высокий черный портал со светлыми буквами наминал переплет потрясавшей книги, в которой, может быть, рассказывалась мрачная история супружеской четы.

Одинокая женщина с ребенком в рождественскую ночь. Супруг, который пришел, чтобы убить себя в двух шагах от нарядной елки.

Два пятнышка крови на рукаве.

Картонная игрушка, исчезнувшая с еловой ветки...

Наконец, четвертый персонаж — я сам! Прежде всего, я играл важную роль: роль свидетеля.

От легкого скрипа я подскочил. Портал мастерской открывался.

Госпожа Драве в каракулевом мантио выходила из дома, держа девочку за руку.

Уловка

Она потянула за собой тяжелую створку, позабыв запереть дверь на ключ, затем посмотрела налево, направо, словно не знала, куда идти. На самом деле, как я полагаю, искала меня глазами. Мне это подсказывал инстинкт, и я прижался к стенке в углу павильончика. Она боялась столкнуться со мной нос к носу. Отныне, желая ей помочь, я мог только ей навредить.

Семена рядом с матерью, разбуженный ребенок тихонько похныкивал. Куда они направлялись? Вдруг я испугался, не собирается ли мадам Драве принять какое-нибудь роковое решение. Что если у этой женщины нет другого выхода? Что если у нее нет больше сил бороться? Вдруг она почувствовала внезапную слабость, когда вызвала полицию?

Когда я остался наедине с мертвой Анной, мне тоже казалось, что я не смогу больше жить. Хотелось расстаться с жизнью, уйти наподобие тех людей, что прыгают с подножки идущего на полной скорости поезда. Для этого я сунул в рот дуло еще дымящегося револьвера. И задохнулся от запаха пороха. Только сильный приступ кашля помешал мне дойти до конца.

Два силуэта удалялись в черноту холодной ночи. Они направлялись в сторону центра. Ореол далеких отсветов окаймлял парижское небо. Я дал им уйти подальше, прежде чем вышел из укрытия и последовал за ними.

Иногда они останавливались. Мадам Драве наклонялась к ребенку, о чем-то говорила с девочкой. Затем они вновь трогались в путь неуверенной походкой. Мать шла медленно, но девочке приходилось вышагивать изо всех сил.

Они перешли через пустынную площадь, и вдруг, увидев громаду церкви с освещенными витражами, возвышающуюся на другом конце эспланады, я понял, что молодая женщина собирается внять моему совету. Она направлялась на ночную литургию. Вместо того, чтобы лгать полиции, она готовила основательное алиби.

Когда, в свою очередь, я проник в здание, хрупко звенел звонок о возношении даров. Церковь была переполнена, и мне пришлось встать около двери, в гуще сосредоточенных людей. Головы склонились. Мне тоже захотелось углубиться в молитву. Но я не мог думать ни о чем ином, кроме женщины, затерявшейся в толпе верующих.

В эту минуту она разыгрывала ужасную партию, и я все больше и больше испытывал потребность помочь ей. Воспользовавшись тем, что присутствующие склонили головы в молитвенном усердии, я огляделся. Мадам Драве находилась у начала главного прохода. Она смотрела на алтарь, где священник поднимал облатку и казался исполненным ду-

шеспасительного экстаза. О чем она думала в эти минуты? Боялась ли нависшей над ее головой опасности? Или же воскрешала в памяти свою любовь к Жерому Драве? О чем просила Господа: о спасении тела или души?

Грохнул большой орган, в его неисчерпаемом дыхании рассыпались бесчисленные патетические арпеджио и аккорды. Со всех сторон среди присутствующих разлился какой-то трепет; послышался шум передвижаемых стульев, шарканье несчетного множества ног. Затем в высоких регистрах слились голоса хористов. Когда некоторые верующие уже стали выходить из церкви, мадам Драве поднялась к проходу в поисках свободного стула. Она добралась до ряда, находившегося недалеко от кафедры, и исчезла из поля зрения.

Церковная церемония продолжалась при мерцании восковых свечей. Теперь в песнопениях славили рождение Христа. Я чувствовал, что изнемогаю. Опирался то на одну, то на другую ногу, пытаюсь бороться с чудовищной усталостью. Слегка кружилась голова.

Вдруг к концу одного канта под сводами нефа раздался грохот опрокинутого стула, сразу послышался детский плач. Какое-то предчувствие заставило меня посмотреть в направлении кафедры. В этой части церкви я заметил волнение. Затем небольшая группа людей достигла центрального прохода.

У меня было такое ощущение, словно меня ударили кулаком в грудь! Два господина несли безжизненную мадам Драве к выходу, какая-то дама держала за руку плачущую Люсьенну.

Когда corteж подошел к тому месту, где я находился, я ринулся вперед, обезумев от тревоги и повторяя в глубине души, что женщина приняла яд, прежде чем войти сюда...

— Что случилось? — спросил я у одного из мужчин.

— Ей стало дурно.

Мы вышли на улицу. На паперти я посмотрел на мадам Драве и заметил ее странный взгляд из-под опущенных длинных ресниц. Это не был взгляд потерявшей сознание женщины, напротив, глаза смотрели очень внимательно.

— Вы ее знаете? — спросила какая-то дама.

— Я... В лицо... Мы живем в одном квартале...

— Надо ее доставить домой, — решил один из мужчин. — Если вы будете так любезны, месье, помочь поддержать ее, я схожу за своей машиной, она припаркована рядом.

Мужчина, оставшийся со мной, на вид был лет пятидесяти, скоро я понял, что Люсьенной занимается его жена.

— Не знаю, что произошло, — сказал он. — Она была рядом. Поднесла руку ко лбу и вдруг повалилась вперед... Вы думаете, это серьезно?

Бледная как полотно, с поджатыми губами, мадам Драве великолепно играла свою роль.

— А вот эта лапка меня огорчает, — заверила дама.

Она гладила щечку Люсьенны, которая чувствовала, что случилось несчастье, и таращила бессмысленные глазенки.

— В церкви малышка заснула. Своим падением мать ее разбудила.

К подножию лестницы подрулил черный "пежо-403". Владелец машины открыл заднюю дверцу и подал нам знак, чтобы мы спускались.

Мнимая больная глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Вам лучше? — сочувственно спросила дама.

— Что со мной?

— Дурнота. В церкви было так душно... А мы сидели как раз у калорифера...

— Где дочка?

— Здесь. Вас проводят.

— Спасибо, мадам.

Ее супруг прошептал водителю "пежо":

— Ну, раз стало лучше, а этот господин с вами...

Он, конечно, торопился к рождественскому ужину, его ждали друзья...

— Разумеется, господа, счастливого Рождества, — водитель явно усердствовал.

Этот мужчина был старше меня. Лет сорока, или около того. Высокий, сангвинического типа, в кожаном пальто с толстым шерстяным кашне. Славный малый, и, видимо, чувствительный.

Мы усадили мадам Драве на заднее сидение, рядом с Люсьенной.

— Куда ехать? — спросил мужчина в кожаном пальто.

— На другой конец площади, а затем повернуть налево.

Прежде чем тронуться с места, он внимательно посмотрел на пассажирку.

— Ну как, лучше?

— О, спасибо, — пробормотала она.

Мое присутствие в машине доводило ее до бешенства, я расстраивал ее планы.

— Подождите, я опущу стекло с вашей стороны. В вашем случае нет ничего лучше свежего воздуха, — изрек услужливый водитель. — Хотите, отвезу вас к врачу?

— Не стоит. Благодарю, вы очень любезны, месье...

Он пожал плечами и удовлетворенно прошептал:

— А как же иначе...

Завидев темный портал с изысканной надписью, я почувствовал, как подступает тошнота. Все начиналось сначала. Наверное, молодая женщина испытывала нечто подобное. По какому праву я снова вмешивался в ее жизнь, если она меня прогнала?

Мужчина в кожаном пальто выпустил руль и обошел машину, чтобы помочь пассажирке выйти. Пока он находился в желтом свете фар, мадам Драве прошептала, не повернув головы:

— Умоляю вас, исчезните!

Мужчина уже открывал дверцу и протягивал руку.

— Выходите потихоньку. Вы думаете, ничего? Может, нам с месье отнести вас на руках?

— Нет, нет. Если вы будете так любезны, проводите меня до квартиры.

— То есть как?

И жизнерадостный верзила бросил на меня игривый взгляд, который вызвал во мне прилив холодного бешенства.

— Я помогу, а вы займитесь малышкой!

Решительным движением я взял девочку на руки.

Мы дошли до портала.

Все начиналось сначала.

Третий визит

Колокола возвещали об окончании ночной литургии. Однако радостный перезвон производил на меня впечатление гула похоронного колокола, ибо я знал, что меня ждет. Знал, что опять увижу покойного и вынужден буду делать вид, что вижу его впервые. Какой вероломный дьявол заставлял меня возвращаться в это окаянное место, чтобы разыгрывать там опаснейшую из комедий?

Ведь только что у меня не было иной мысли, как избавить этот дом от присутствия моей подозрительной личности, дабы предоставить мадам Драве свободу действий. И вот, вопреки всякой осторожности, невзирая ни на какие заклинания, я навязывал себя молодой женщине. Рассудок мне, право, не повиновался. Еще не поздно придумать какой-нибудь предлог и ретироваться. Но я продолжал идти по двору.

— Ваш муж брошюровщик?

— Да.

— А я занимаюсь обоими. Тут есть, так сказать, сходство, а?

Мы уже подходили.

Вот вторая дверь. Я все еще блуждал в лабиринте.

— Ну и темнота...

— Лампочка перегорела.

— У меня зажигалка, не беспокойтесь. Пойдите, я вижу лестницу.

— Не стоит, есть грузовой лифт.

Она открыла дверь, и мы вошли в кабину. Дверь снова закрылась с характерным скрипом.

Мужчина в кожаном пальто неуверенно спросил:

— Дома кто-нибудь есть?

Этот банальный вопрос меня потряс.

Я завидовал чистому, безмятежному голосу этого человека. Ни малейшей боязни, ни тени дурного предчувствия. Существо чистосердечное, без комплексов. Наверняка трудолюбив, обожает удовольствия и своего ближнего...

Я сожалел, что кругом темно. Хотелось понаблюдать за мадам Драве. Хватит ли у нее мужества играть свою роль до конца?

Она открыла дверь, вошла первой и повернула выключатель в прихожей. Встретиться со мной взглядом избегала. Конечно, была немного бледна, но разве в глазах этого мужчины она не была еще слаба после недавнего обморока?

— Я проведу вас в гостиную, — проговорила она чуть глуховатым голосом, в котором, однако, я не почувствовал дрожи.

Я сжал ручку маленькой Люсьенны.

Я не мог допустить, чтобы ребенок увидел ожидавшее нас чудовищное зрелище. Мадам Драве зажгла в гостиной свет, затем посторонилась, чтобы дать нам войти. Втянув голову в плечи, я ждал, что мужчина в кожаном пальто вскрикнет от ужаса.

— О, какая красивая елка! — пробормотал он, переступая порог.

Тогда я оттолкнул его, торопясь взглянуть своими глазами.

Трупа в комнате не было.

— Садитесь, господа.

Лицо мадам Драве оставалось непроницаемым, но тем не менее мне показалось, что на нем блуждала едва заметная улыбка.

Что она сделала с трупом мужа? Переместив его в другое место, она, быть может, все проиграла. Я сердился на нее за такое безумие и повсюду искал следы драмы. Их не было. Она вымыла кожаное канapé.

Тогда я обернулся, желая удостовериться, что пальто Драве по-прежнему в прихожей на вешалке, но оно исчезло. По всей вероятности, жена переменила тактику. Куда, черт возьми, она могла перетащить тело? Если рассчитывала на то, чтобы его скрыть, зачем было разыгрывать комедию с обмороком во время литургии?

Я отдал бы десять лет жизни, лишь бы как угодно переговорить с ней.

— Благодарю вас, господа. Вы были так любезны...

— Ну что вы, — ответил мужчина в кожаном пальто, довольный тем, что совершил доброе дело как раз в рождественскую ночь. Небось, был верующим, раз посещал церковь. Небось, думал, что его самоотверженность послужит ему самому ради будущего вечного счастья.

— Доставьте мне удовольствие, налейте себе что-нибудь, пока я уложу дочь...

— Может, позвольте помочь вам? — поспешил я предложить, видя возможность поговорить с ней один на один.

— Конечно, месье, благодарю вас.

Если голос ее был учтив, то взгляд казался ледяным.

— Садитесь!

Тип в кожаном пальто уселся на диван, а меня охватила дрожь с головы до ног.

— Что будете пить?

Она вымыла стаканы и поставила их на место в металлическую корзиночку бара.

— Что прикажете, но желательно покрепче, — сказал мужчина.

— Коньяк?

— С удовольствием.

— А вам, месье?

Я пронзил ее взглядом. Меня так и подмывало схватить ее за талию, прижать к себе, прошептать:

“Кончай это безумие, я помогу тебе. Постараемся все уладить”.

— Тоже коньяк.

Она подала нам рюмки. Я сел в маленькое кресло, она же увела сонного ребенка в спальню. Собеседник вдохнул коньячный аромат. Затем выразительной мимикой дал понять, что весьма оценил его качество.

— Меня зовут Ферри, — стремясь соблюдать приличия, заявил он. — На конце пишется “и”, а не “игрек”: Поль Ферри.

— Альбер Эрбен...

Он протянул мне свободную руку.

— Очаровательная женщина, а? — И движением подбородка указал на дверь.

— В самом деле, очаровательная.

— Если я правильно понял, ей не часто приходится веселиться.

— Почему вы так думаете?

— О, да потому, что муж ее оставляет одну в такую ночь, как эта...

— Может, он в отъезде?

— Да, все может быть, только не знаю, как вам, а мне кажется, она грустит, вы не находите?

Мужчина был полной моей противоположностью. И тем не менее по отношению к мадам Драве испытывал то же самое чувство. Это обстоятельство меня взволновало и даже смутило.

— Пожалуй, вы правы.

— Она, случайно, не беременна?

— Ну уж вы скажете!

— А как вы думаете, с чего бы ей упасть в обморок?

— Неудобно об этом спрашивать, — процедил я сквозь зубы.

Ферри пожал плечами, затем осушил рюмку.

— Моя-то сейчас в клинике, два дня назад родила крепыша. Еще немножко, и был бы маленький Иисусик! Ребенок-то поздний. Думали, никогда не дождемся, а вот видите... В этом году Рождество у нас немножко наперекосяк! На будущий год наверстаем. Жена у меня верующая: настояла, чтобы я поприступствовал на рождественской мессе. У меня религия — не самое сильное место, но из-за малыша...

Как все счастливые люди, он испытывал потребность в том, чтобы выговориться. Рюмка алкоголя побуждала его к откровенности. Он даже не замечал, что я его слушаю более чем рассеянно.

— Вы женаты?

— Нет.

— А стоило бы подумать. Если я вмешиваюсь не в свои дела, вы мне скажите. Но как мужчина мужчине — можно ведь позволить себе иногда и посоветовать, а? С женщинами как? Не то, чтобы всегда весело и приятно, но они приносят равновесие, понимаете? Равновесие и малышей...

Я не мог выдавить из себя ни звука. Вытаращив глаза, я смотрел на рождественскую елку: на кончике одной из веток висела моя серебристая клеточка с бархатной птичкой.

Я сидел вспомнить, точно ли на ту ветку ее повесил, но определить не мог. Вполне ли я владел собой? Что если за годы, проведенные в заключении, повредился в уме?

— Куда вы смотрите, месье... Эрбен?

Я очнулся, но все плыло у меня перед глазами. Я пытался найти приемлемое объяснение.

Когда вечером Драве вернулся домой, он, наверное, кружил по комнате, прежде чем решиться на роковой шаг. Я представлял себе, как он

ходит взад-вперед, останавливается перед елкой, наряженной для маленькой девочки, которую он ненавидит, срывая в ярости какие-то игрушки, бросает их в камин или под диван.

Перетащив тело, его жена вернулась, чтобы привести гостиную в порядок, именно в эту минуту обнаружила игрушки, среди них мою клеточку, и снова повесила на дерево.

— Елочка красиво украшена, правда?

— Да, очень красиво, — выдавил я.

Вернулась улыбающаяся мадам Драве.

— Ну вот, ребенок очень быстро заснул. Еще немного коньяку, господа?

— Капельку, ради Рождества, — пошутил Ферри.

— Я вам испортила мессу?

— О! Я говорил господину Эрбену...

Не правда ли, любопытно, что она таким образом узнала мою фамилию? Она бросила взгляд в мою сторону, и этот взгляд был чуть менее мрачный, чем предыдущие.

— ...Я говорил господину Эрбену, в религии я не силен. Но у нас только что родился сын.

— Поздравляю.

Самое удивительное, что хозяйку, по-видимому, эта тема заинтересовала.

— ...Восемь фунтов без ста граммов... настоящий мужчина, а?

— И как же назвали этого молодого человека?

— Жан-Филипп.

— Красиво, мне нравится.

— Вам надо бы выпить капельку алкоголя после того, что с вами приключилось, — неожиданно добавил Ферри, как видно, человек непосредственный и отчасти легкомысленный.

— Да, да. Например, черри, — уточнил я. И самовольно налил ей полную рюмку ликера.

Она одним махом осушила ее.

— А вы не хотите обратиться к врачу?

— Нет нужды, это просто недомогание. Было так душно...

— Да, да, конечно!

Она издала легкое восклицание, от которого мы вздрогнули, и Ферри, и я.

— Боже мой!

— Что такое?

— Я забыла свою сумочку в церкви!

Ферри слишком уважал собственность, чтобы не разделять огорчение молодой женщины.

— Там была порядочная сумма? — живо поинтересовался он.

— Около тридцати тысяч франков и документы...

— Ничего себе, понимаю! Мы сейчас быстренько туда съездим. Я бы очень удивился, если бы она потерялась. Все-таки в церкви...

Он уже встал, осушил рюмку, застегнул кожаное пальто.

Я, в свою очередь, тоже встал, хотя не очень хорошо понимал, куда клонит мадам Драве.

Так как мне хорошо известно, что у нее не было сумочки, когда она выходила из дома.

Четвертый визит

— Вы не запираете на ключ входную дверь?

— Зачем?

Он не настаивал. Мы подошли к “пежо-403”. Я распахнул дверцу перед мадам Драве. Наш спутник уже уселся за руль. В моем распоряжении были считанные секунды.

— Куда вы убрали тело? — выдохнул я.

— Оставьте, вы хотите погубить меня? Возвращайтесь домой, завтра я найду к вам.

— Что-нибудь неладно? — спросил Ферри.

Вместо ответа она села рядом с ним и сделала вид, что не расслышала вопроса.

Машина тронулась. Часы на щитке приборов показывали начало второго ночи. Силы мои были на исходе. Казалось, что я тоже вот-вот потеряю сознание, притом внаправду.

Через триста метров я дотронулся до плеча водителя.

— Будьте добры, остановитесь, пожалуйста. Я тут живу неподалеку. Мне кажется, нет нужды вас сопровождать.

Он поспешно притормозил.

— В самом деле, нет нужды.

Он не возражал бы остаться наедине с молодой женщиной. Это его возбуждало. Он несколько месяцев подряд холил и лелеял беременную супругу, и ему хотелось немного развлечься.

— Мое почтение, мадам!

Она протянула мне руку через спинку сиденья.

— Благодарю вас за любезность, месье.

Ферри энергично пожал мне руку.

— До свидания.

Когда я выходил из машины, у меня сжалось сердце.

Я неподвижно стоял на краю тротуара, пока не исчезли два красных огонька.

Вслед за дурманом оцепенения, которое наступает по окончании праздничного пиршества, квартал охватила внезапная апатия. В чернеющих громадах домов гасли окна. Я чувствовал себя одиноко, более одиноко, чем когда бы то ни было. Одиночество казалось сильнее, чем рядом с трупом Анны, сильнее, чем в зале суда или в тюремной камере. Я не понимал, почему мадам Драве вела себя подобным образом. Для чего она разыграла обморок? Для чего сделала вид, что оставила в церкви дамскую сумочку?

Еще более не давала покоя мысль о двух красных пятнышках на рукаве. Мне даже пришло в голову, что это она убила мужа, и с помощью сообщника...

Как живой упрек, в нескольких метрах от меня возвышался гнетущий угрюмый фасад моего дома. За его обшарпанными стенами меня ждало

мое детство, память о матери. Я все упустил, все погубил: и собственные воспоминания, и тех, кто в них жил.

Я застегнул пальто на все пуговицы, сунул руки в карманы и, крадучись вдоль стен, направился в обратный путь, к дому Драве.

Я был сыт по горло этой тайной: мне нужно откровенно объясниться с женщиной. Я решил, в случае необходимости, пригрозить ей, чтобы заставить ее говорить.

Я вспомнил, что она не закрыла дверь на ключ, и прошел во двор мастерской.

На огромных стеклянных поверхностях плясали темные отражения. В этих длинных матовых панно, казалось, кишел целый мир, полный фантазмагорий. Надо было долго вглядываться в них, чтобы понять, что это ползут набухшие дождем декабрьские облака.

Я подождал с четверть часа, глядя на оборудованные для работы помещения. Мне нравился чистый запах бумаги. Волновало напоминавшее крепость нагромождение пачек.

Мадам Драве все не возвращалась. Так как заметно похолодало, я укрылся в кабине одного из грузовиков. Они стояли лицом к воротам, и через лобовое стекло можно наблюдать за входом. Я поднял воротничок пальто, устроился поудобнее на сиденьи, вытянув ноги, и вскоре забылся сном.

Но это был не столько сон, сколько некое вторичное состояние, его заменявшее. Сознание не отключалось, лишь окружавшие меня вещи как бы утрачивали реальность. Мое любопытство притупилось, и мадам Драве становилась всего лишь воспоминанием о некогда любимой женщине, которую я давным-давно убил.

Шум автомобиля у ворот, внезапно мотор затих, дважды хлопнули дверцы! В мгновение ока я проснулся и пришел в себя, благодаря короткому отдыху восстановилась обостренная ясность сознания. Я решил выйти из грузовичка, но поздно: входная дверь уже открывалась.

Я мгновенно опустил противосолнечный козырек и прижался к спинке сиденья... В темноте вряд ли можно было меня разглядеть.

Мадам Драве вошла в сопровождении Ферри. Мужчина в кожаном пальто фамильярно держал ее под руку. На мгновение она прислонилась спиной к двери и прошептала:

— Спасибо... Спасибо за все.

Спутник отпустил ее руку и жестом победителя стал гладить шею. Я чуть было не выскочил из кабины и не бросился набить ему морду. Меня охватил приступ острейшей ревности, подобный тому, что случился однажды. Потребность уничтожить предмет предательства. Все во мне вскипело. Но внезапно гнев утих: она схватила его за запястье, чтобы отстранить руку.

— Вот видите, у вас все-таки получился рождественский ужин, — говорил Ферри.

В тайнике я позволил себе пошевелинуться. Засучил рукава, глянул на часы: с ума сойти! Они показывали десять минут шестого утра. В общем, они отсутствовали более четырех часов! На мгновение я усомнился и даже поднес запястье к уху: идут ли часы? Послышалось знакомое мер-

ное тиканье. Когда накануне, в канцелярии тюрьмы, мне их вернули, я первым делом стал их заводить и точно поставил секундную стрелку.

— Видите ли, мадам Драве, для меня это удивительное Рождество, не такое, как все прочие...

— Для меня тоже.

— Правда?

Дурак! Голос его был глух, и я не сомневался, что он пожирает ее глазами.

— Вы необыкновенная женщина.

— Как давно я не слышала ничего подобного!

Должно быть, она и ему поведала о своих супружеских невзгодах. Может, и он удостоился выслушать ее рассказ о рождении Люсьенны?

— Не хотите ли выпить последнюю рюмочку?

Он не ожидал такого предложения и ответил не сразу. Я был уверен, что всю ночь он за ней усердно ухаживал. Она мило терпела, но сохраняла дистанцию, и вдруг, когда у него уже не оставалось надежды...

— Вы полагаете, я посмею?

— Ну почему бы и нет, ведь Рождество!

Они прошли через двор в нескольких сантиметрах от меня. Мадам Драве открыла дверь в коридор. Затем послышался скрежет клетки грузового лифта. Я немножко подождал, потом вышел из грузовика.

Вместо того, чтобы уйти, я вошел в подъезд. На ощупь добрался до лестницы и стал осторожно подниматься по ступенькам, на каждом шагу останавливаясь и прислушиваясь.

Я слышал, как они разговаривают, но не мог уловить, о чем именно. Их голоса сливались в глухой непрерывный гул. И вдруг послышался возглас:

— Жером! Ты дома? Жером! — кричала мадам Драве.

Кровь в жилах сделала только один оборот. Может, эта женщина сумасшедшая? Зачем звать мужа, если известно, что он мертв?

Я прижался к стене, сердце бешено колотилось.

— Жером!

Вдруг раздался ужасный крик.

Глухой голос Ферри бормотал:

— Мадам... Ну, мадам... Мадам...

Все стихло. Воцарилась пронзительная тишина.

Я не двигался. Боялся дышать. Не знаю, сколько времени прошло таким образом. Мне следовало бы исчезнуть, но какая-то непонятная сила меня удерживала. Хотелось знать. Совершенно очевидно, "они" обнаружили труп Жерома Драве. Но где его раньше прятала жена? И почему переместила его? Зачем понадобилось медлить со временем этого открытия? Зачем? Кошмар становился невыносимым...

Надо мной открылась дверь. Длинный матовый прямоугольник света лег на клетку грузового лифта. На светлом экране вырос тонкий силуэт молодой женщины.

Пляска теней. Впрочем, нет: трагедия теней.

— Прошу вас. Полиция сейчас будет. Успокойтесь, мадам. Прошу вас... Знаю, это ужасно, но так надо... Идите сюда... идите...

И он втащил ее в квартиру, не закрыв дверь.

Не отрывая глаз от светлого прямоугольника, я прислушивался к рыданиям мадам Драве...

Ясно одно: надо немедленно бежать. Если полиция обнаружит меня здесь, я рискую головой.

На цыпочках я стал спускаться по каменным ступеням. Но как раз тогда, когда я добрался до самого низа, раздался резкий вой сирены дежурной полицейской службы. Я понял, еще секунду, и я упаду в обморок.

Сирена смолкла. Легко скрипнули ворота.

Лестница оказалась ловушкой. Не было иного выхода, как снова подняться, чтобы отдалить час расплаты.

Итак, я взобрался по лестнице, даже не давая себе труда приглушать шум шагов. Может, бежать через крышу? Я помнил, что над клетью грузового лифта имелось слуховое окно.

Я добрался до освещенной лестничной площадки. Укравкой взглянул, нет ли у дверей Ферри или мадам Драве. Их не было. Однако я заметил другое, и это другое заставило меня усомниться, нахожусь ли я в здравом уме: через анфиладу открытых дверей я ясно увидел труп Жерома Драве на канаве в первоначальной позе.

Но я уже преодолел расстояние лестничной площадки и начинал сомневаться в реальности увиденного, подумал, не было ли все это галлюцинацией.

Узкая деревянная лесенка вела на чердак. Я поднялся по ней так быстро, как только мог. Внизу уже раздавались шаги полицейских. Я замер. Не было сил отдышаться. Чудовищными тисками сжало грудь. На лестнице слышался говор, восклицания...

Мое положение становилось нестерпимым. Если бы полицейские вздумали подняться выше, они обнаружили бы меня, и я никогда не сумел бы доказать, что я всего-навсего чересчур любопытный свидетель. Лесенка не вела более никуда. Что делать?

С чрезвычайной осторожностью, едва касаясь стены, я стал ее ощупывать. Мои пальцы, как у слепого, внезапно приобрели дар ясновидения. Я ощутил неровность дверного проема. Нашупал задвижку, медленно, медленно стал ее открывать. Молил Бога, чтобы головка задвижки поддалась моему усилию.

Дверь повиновалась. Раздался легкий щелчок, и этот слабый звук оглушил меня, как пушечный залп. Замерев на несколько секунд в полной неподвижности, я смог собраться с духом. С бесконечными предосторожностями толкнул дверь, позабыв о смерти этажом ниже, о комедии, разыгрываемой мадам Драве, о полиции. Все мысли были сосредоточены на собственном спасении. Я знал, что на чердаках есть подземные слуховые окна.

Если бы мне удалось найти такое оконце, быть может, я был бы спасен. Но чем больше я продвигался вперед, тем чернее и непрогляднее становилась темнота. Она поглощала меня безжалостно, подобно угрюмой трясине болота.

Как только я оказался на чердаке, первой моей заботой было запереть дверь. Действовал я с большой осторожностью. Когда створка плот-

но закрылась и сработал язычок задвижки, мне показалось, что между мною и полицией вырос мощный бастион. Я подождал еще мгновение. Подо мной кто-то ходил взад-вперед, произносил едва различимые слова, слышались телефонные звонки.

“Они”, наверное, вызвали скорую помощь, известили прокуратуру. Будут ли делать обыск в доме?

Меня терзал и другого рода страх, гораздо более затаенный и мрачный. Я знал, что у мадам Драве есть сообщник. Это было очевидно, так как в ее отсутствие труп мужа снова переместили в салон.

Однако тот, кто осуществил это чудовищное перемещение, будь то мужчина или женщина, возможно, еще находился в доме. Разве что имелся другой выход, о котором мне ничего не было известно.

Что если именно для этого сообщника мадам Драве умышленно не заперла подъезд, когда уходила из дому? Но если сообщник в доме, то не исключено, что как раз на чердаке. Я представлял себе, как притаившись в темноте, рядом со мной, он перережет мне горло при малейших признаках опасности. Казалось, я чувствовал чье-то легкое дыхание. Я старался держать себя в руках, уговаривая себя, что это мое собственное дыхание, — страх все возрастал.

— Здесь кто-то есть? — тихо спросил я.

Мне никто не ответил, и голосу моему удалось то, что не под силу было разуму: он меня успокоил.

Если у жены Драве и есть сообщник, то он не настолько глуп, чтобы ждать появления полиции на месте драмы.

На лестнице стало шумно.

“Так и есть, — подумал я, — в доме и в мастерской начался обыск”. Обезумев от тревоги, я подождал, воображая, что вот-вот с шумом откроется дверь, и мне прямо в лицо ударит луч электрического фонарика.

Но время шло. Иногда хождение взад-вперед затихало. И в ту минуту, когда я уже начинал надеяться, оно возобновлялось.

Я чувствовал, что нахожусь чересчур близко от лестницы. Тихонько отодвинулся. Локтем задел за дверную притолоку, ощутил, что вокруг стало просторнее. Стал искать слуховое окно, но его по-прежнему не было. Протянул руку, пытаясь достать до крыши, но рука оказалась в пустоте.

Я попытался продвинуться дальше, но на что-то наткнулся. По-видимому, это была коляска (без сомнения, Люсьенны в младенчестве), так как я почувствовал перекладину, служившую для толкания вперед, и все это сдвинулось с легким дребезжанием.

От шума всколыхнулась тревога. Ни в коем случае нельзя было шевелиться, иначе я рисковал опрокинуть какую-нибудь рухлядь, которую обычно складывают на чердаке. Со всяческими предосторожностями я улегся на пол. Нащупав бахрому старого ковра, прижался к нему щекой.

Послышался сигнал скорой помощи, хлопанье дверей, голоса... Внизу опять заходили, заговорили. Часто различался брякающий металлический звук телефонной трубки, которую клали на рычаг. Потом кто-то

кричал и плакал, и я подумал, что, поскольку сообщили родственникам Драве, это стонали его родители.

Я вглядывался в циферблат ручных часов. Он выделялся маленьким фосфоресцирующим пятном. В крошечной темноте галлюцинирующие светились цифры.

Шесть утра... Шесть двадцать... Без четверти семь...

Вот уже полтора часа, как обнаружено тело. Следовательно, обыска может и не быть. Если бы полиция сомневалась, она бы немедленно произвела обыск.

Неужели я спасен?

Оставалось преодолеть еще столько препятствий. Надо выбраться с чердака, спуститься с лестницы, перейти через двор. Если мадам Драве не одна, как мне объяснить свое присутствие в доме? А если она ушла, как выйти, оказавшись перед запертой дверью?

Чудо

Послышался звон часов: семь утра. Колокола соседних церквей, кстати, звонили каждые полчаса, а я даже не заметил. В доме действительно стояла полная тишина, и до меня доходили только внешние звуки. В этот рождественский день движение на улицах начиналось в замедленном темпе. По мостовым вздрагивали тяжеловозы, доставлявшие продукты. Проносящиеся с треском легкие мотоциклы выписывали диковинные траектории по соседним улицам.

Я пребывал в летаргическом состоянии, которое лишало меня воли. Если чересчур замешкаюсь, я наткнусь на толпу родственников и знакомых, которые сбегутся, как только новость успеет распространиться. Возникшим моментом неопределенности необходимо было воспользоваться.

И только я собрался было встать, как на деревянной лестнице, ведущей в верхнюю часть дома, послышались шаги. Решительные торопливые шаги, от которых по спине пробежали мурашки. Кто-то сюда поднимался, — на этот раз сомневаться не приходилось. И этот кто-то не испытывал колебаний. Направлялся прямо сюда. Открылась первая дверь. На мгновение шаги остановились. Затем медленно приблизились. И вот этот человек уже на расстоянии нескольких сантиметров от моего лица.

Легкий щелчок выключателя, и ослепительный свет озарил все вокруг. Подобно чудесному видению, в центре сияния стояла мадам Драве. Она была одна. Судорожно сжимала на груди ладони, пристально и с ужасом на меня смотрела, словно я был предметом, внушавшим глубокое отвращение. Очевидно, я испугал ее, как никто никогда в жизни еще не пугал.

Мгновенный обмен взглядами. Почти в ту же секунду мое внимание было привлечено окружавшей меня обстановкой, и я, кажется, вскрикнул. Крик вырвался из плоти. Крик человека, пораженного внезапным открытием.

— Что вы здесь делаете? — хрипло спросила она.

Вместо ответа я пытался осознать происходящее. Хотел понять, что за чудо произошло. Я находился не на чердаке, а в гостиной Драве. Тут был диван, кресло, проигрыватель на низком столике. Передвижной бар с рюмками Ферри и моей собственной. И вдруг я понял, что в темноте наткнулся именно на него и принял его за старую детскую коляску! Здесь была рождественская елка с волшебными стеклянными гирляндами. На кончике ветки, как насмешливая безделица, висела моя серебряная клеточка с голубой птичкой.

Через застекленную дверь в гостиной я увидел прихожую. И вешалку, на которой не было никакой одежды.

— Отвечайте, что вы здесь делаете? — В ее голосе была не только злость, но и отчаяние.

— Не понимаю...

— Вы не понимаете, почему провели здесь ночь?

— Постойте...

Мысленно я повторял все свои ночные похождения. Я поднялся на один этаж. Прошел мимо квартиры Драве и в дверь, открытую на лестничную площадку, мог разглядеть салон. Быстрый, но полный осмотр комнаты. На канapé лежал распростертый труп. Я видел тогда и елку, и проигрыватель, и передвижной бар...

— Постойте...

Измученная женщина почувствовала разрядку. Она сделала пару шагов и рухнула в кресло.

— Вы делаете вид, что не поняли?

Я высочил из гостиной и дошел до другого конца прихожей. Движениями медиума стал открывать одну дверь за другой. Все они вели в абсолютно пустые комнаты.

Тогда я вернулся к ней. Под глазами у нее были синие круги, щеки ввалились.

— Как я устала. Так устала, что сейчас мне ничего не стоит умереть, — прошептала она.

Я сел на диван напротив. Мне передалось ее состояние беспомощности.

— Итак, есть две одинаковые квартиры, одна под другой, так, что ли?

— Свекор построил еще одну квартиру для своего второго сына, который служил в армии, в Алжире.

Понятно. Хотя и не до конца. Все было сложнее: я уже знал, что скоро все пойму, что теперь в моих руках все нити тайны.

— И вы меблировали этот салон точно так же, как и ваш собственный?

— Это несложно.

— В самом деле, вы ведь говорили, что вы художник-оформитель...

— Не нужно кончать академию изящных искусств, чтобы окрасить прихожую и комнату в белый цвет, купить диван, кресло, бар, проигрыватель, похожие на те, что уже имеются...

— Это ведь вы его убили, правда?

— Вы сами знаете.

Женская проникаемость. Она раньше меня знала, к каким выводам я приду.

— Вам нужен был свидетель, поэтому в ресторане вы меня и заманили.

Она опять открыла глаза. Во взгляде была бесконечная печаль.

— Заманила...

— Ну, скажем так: "побудили". Вы разыграли роль в совершенстве. Казалось, каждая минута — следствие случая, а в действительности вы уверенно управляли ситуацией!

— О, опасность придает силы.

— Значит, вы сами устроили все так, чтобы привести меня сюда. Настояли, чтобы я сам себе налил рюмку.

— Прежде чем выйти из комнаты, мне нужно было знать, что вы будете пить.

— Чтобы налить то же самое в такую же рюмку этажом ниже?

Она утвердительно кивнула. В сущности, так ли уж мое присутствие ее беспокоило? Не была ли она в глубине души удовлетворена, что у нее есть кто-то, кому можно довериться? Неужели такая тяжкая, такая странная тайна ее не подавляла?

— И вы поставили пластинку из-за выстрела?

— Конечно.

— Вагнера! Вагнер прямо-таки необходим! — ухмыльнулся я.

Наступила довольно долгая пауза. Она не проронила ни слова. Ей хотелось выговориться, но только так, как исповедуется неловкий кающийся грешник: отвечая на вопросы.

У меня их было великое множество — сто, тысяча. Я не знал, с чего начать.

Самое простое было выяснить все, что касалось убийства Драве, в хронологическом порядке.

— Когда вы вышли из этой комнаты, вы спустились этажом ниже с Люсьенной?

При имени дочери она залилась слезами.

— Вы быстро ее уложили.

Она сделала неопределенно-утвердительный знак, но, возможно, на самом деле, просто хотела согнать с ресниц накопившиеся слезы.

— Затем вы направились в гостиную, настоящую гостиную, чтобы убить мужа, который там находился. Вот тут я перестаю понимать...

— В полдень я дала ему таблетки фенолбарбитала в шоколадных конфетах. В них содержится несколько различных веществ, которые растворяются постепенно, одно за другим, поддерживая таким образом сон. В зависимости от величины дозы можно человека удерживать в состоянии сна много часов подряд. И вот доказательство...

— То есть, он спал?

— Да.

Она прекрасно знала, о чем я думаю. Если когда-нибудь все сложится против нее, ни один суд не признает за ней смягчающих обстоятельств. С абсолютным хладнокровием она убила спящего человека, медленно, долго, изощренно, преднамеренно вынашивая свой план.

— Я вам внушаю страх, да? Вы думаете, я монстр.

Я пожал плечами.

— Не мне судить.

Как в кинотеатре, она мягко протянула руку. На секунду мне показалось, что все начинается сначала.

Я взял ее руку и сжал в своей. У неба я просил только одного: нескольких минут передышки. Я боялся, что зазвонят в дверь, или раздается пронзительный телефонный звонок.

— Вчера, во второй половине дня, никто не проявлял беспокойства по поводу его отсутствия?

— Его любовница. Утром мастерские работали. Она довольно бесцеремонно явилась к нему в контору, и я узнала через секретаршу мужа, что они поссорились из-за рождественского ужина. К вечеру она позвонила сюда, не называя себя. Спросила Жерома. Я ответила, что он уехал.

— Надеюсь, полиции известно об этом инциденте?

— Конечно.

— Он работает в пользу гипотезы самоубийства. Кстати, какова была реакция копов?

Она задумалась.

— В общем, как они себя вели?

— Как врачи, они ничего не говорят. Сделали несколько фотоснимков и замеров. Положили револьвер в целлофановый мешочек.

— А потом?

— Опечатали гостиную! Мне это не понравилось. Мне казалось, что если полиция констатирует очевидное самоубийство, то она не должна соблюдать подобные меры предосторожности.

Однако, в сущности, это было мнение профана. Если бы у инспекторов были сомнения, они обыскали бы весь дом.

— Так. Вы его убили... Надеюсь, вы были в перчатках?

— Да. Но выстрелил он. Вы понимаете, я ведь только направляла его руку.

Подобно тому, как держат руку человека, не умеющего писать, чтобы тот поставил свою подпись под документом, она заставила его подписать себе смертный приговор.

— Две капли крови попали на рукав.

— Я заметила, что эти пятна вас беспокоили. Они смущали вас еще до того, как мы обнаружили тело. Я едва не рассталась с вами, когда мы выходили из кафе.

Слова были жестокие, но легким пожатием руки она смягчила их.

— Куда вы дели перчатки?

— Бросила в канаву, когда мы с вами гуляли под луной, а вы не заметили?

— Нет, — довольно жалко признался я.

Мне хотелось знать все как можно подробнее. В этом деле было нечто зрелищное, и это меня завораживало.

— И потом, значит, вы выстрелили?

— Я налила чуть-чуть коньяку в одну рюмку, чуть-чуть черри в другую... Поставила обе на верхнюю полочку бара.

— И поэтому, прежде чем мы вышли, вы взяли мою рюмку, которую я оставил на камине, чтобы поставить ее на полочку бара точно так же, как внизу?

— Так вы заметили?

— Как видите...

— Мы болтали. Потом вышли.

— А когда вернулись, вы остановили лифт на втором этаже, а не на третьем. И чтобы я не ощутил разницы во времени подъема лифта, вы меня поцеловали...

— Вы полагаете, исключительно по этой причине?

— Расскажите мне о грузовом лифте.

— Он действительно работает на оба этажа. Мастерские оборудованы весьма рационально. Клейка производится на втором этаже, упаковка на третьем. Обустраивая помещения, мой муж хотел, чтобы грузовой лифт служил и просто лифтом, в случае необходимости, поэтому он открывается и там, где фабрика, и где квартира.

— Итак?

— В тот вечер, из соображений осторожности, я отвинтила кнопку третьего этажа, чтобы даже мысль о нем не могла прийти в голову моему "гостю-свидетелю".

— Но в первый раз вы привезли меня на третий этаж. Как вам это удалось?

— У меня есть детский наперсток, с помощью которого легко нажать кнопку. Кончик наперстка как раз входит в отверстие щитка управления. С точки зрения здравого смысла мне нужно было только один раз подняться на третий этаж, так как трагедия была обнаружена в момент второго визита.

— Поздравляю, вы женщина хитроумная.

Я смотрел на нее и недоумевал, как подобная тщательность при подготовке преступления могла родиться в женской душе?

— На лестнице и в лифте я заменила лампочки на перегоревшие. Когда вы пришли в первый раз и держали Люсьенну на руках, я остановила лифт чуть-чуть раньше положенной остановки. И то же самое во время вашего третьего посещения вместе с человеком, вызвавшимся провожать меня в церкви... Знаете, почему?

— Нет.

— Потому что квартира на втором этаже не совсем точно на том же уровне, что и мастерские. Когда лифт находится там с производственной целью, существует ступенька для удобства выхода из кабины в сторону квартиры. Но так как на третьем этаже и мастерские и квартира на одном уровне, пришлось сделать дополнительную ступеньку и останавливать лифт чуть раньше нормальной остановки.

— Браво. В темноте это, наверное, не так просто?

— А я натренировалась за все ночи, что провела здесь одна. С точностью до сантиметра могу остановить кабину всегда в одном и том же месте.

Я не мог втайне не восхищаться подобными достижениями. В только что сказанном поразила одна фраза: "Я натренировалась за все те но-

чи, что провела здесь одна". Я представлял себе жизнь молодой женщины в производственных помещениях, в обществе своего отвергнутого ребенка.

В самом деле, чтобы выносить план убийства, времени было достаточно. Подготовиться к нему, подготовить его. Посвятить себя его исполнению, подобно тому, как посвящают себя достижению какой-либо цели...

— Почему на третьем этаже дверь не была заперта на ключ? Достаточно повернуть задвижку, чтобы сюда войти.

— Из осторожности.

— То есть?

— Каждый раз я только делала вид, что пользуюсь ключом. На самом деле, я вставляла в замочную скважину ключ от второго этажа, чтобы вводить других в заблуждение. Я опасалась, что в начале следствия у меня потребуют связку ключей, и ключ отсюда привлечет внимание. Так как у моего мужа не было ключа от этой квартиры, я боялась, что наши связи будут сравнивать.

Я выпустил руку мадам Драве.

— Подумать только, я чуть было не разрушил столь тщательно и в совершенстве разработанный план.

Она покачала головой.

— Да. Я наткнулась на единственного в этом квартале человека, который не мог быть свидетелем. Когда вы признались мне... кто вы, кем вы были, я была близка к самоубийству... Надо было начинать все сызнова.

— И вы это сделали.

— Только это становилось чрезвычайно опасно из-за остывавшего тела. Вот почему я постаралась сделать так, чтобы как можно дольше отсутствовать вместе с господином Ферри. Единственный выход для меня — чтобы прошло много времени, так, чтобы нельзя было с точностью до одного часа установить момент кончины... Я утащила Ферри в шумное место, где нас трудно было не заметить. Мы надевали бумажные шляпы, бросали серпантин, пили шампанское. Он говорил, что за всю свою жизнь не припомнит такого веселого Рождества. Вы думаете, они произведут вскрытие? — устало спросила она.

— Если появятся сомнения, безусловно...

— Кажется, таблетки не оставляют подозрительных следов. Остается только вопрос, под каким углом сделан выстрел... Но мне кажется, я правильно рассчитала. Что касается времени кончины, кому тут что-то придет в голову, если не будет вскрытия. Месье Ферри дал показания: гостиная была пуста, когда мы вышли. Он подтвердил, что не расставался со мной. Подтвердил также, что обнаружил тело моего мужа одновременно со мной.

Она встала рядом, приподняла мне голову.

— Теперь только вы один по-настоящему для меня опасны. Какой смысл вот так держать в руках чью-то судьбу?

Это она меня спрашивала? После того, как убила человека, мужчину. У меня, кто убил женщину.

Птичка из бархатной синели

— За что вы его лишили жизни таким вот образом?

Она встряхнула головой.

— Я предпочитаю не вдаваться в подробности. Из-за дочки. Жером мерзко относился к ребенку...

Вдруг я взорвался:

— Не будете же вы мне рассказывать, что хотели положить труп этого человека в ее маленькие туфельки?*

Мадам Драве расхохоталась.

— Нет, я не стану этого рассказывать. Однако вы не так уж далеки от истины, Альбер!

Она, оказывается, помнила, как меня зовут! Нужно ли что-то еще, чтобы сделать мужчину своим союзником! До этой минуты я испытывал смутное унижение, оттого что эта девица избрала меня в качестве "простофили". Но, в сущности, не сама ли судьба сделала меня избранныком? Не благодаря ли поразительному стечению обстоятельств, более тщательно выстроенных, нежели само убийство г-на Драве, я оказался за соседним с ней столиком в ресторане?

Накануне я проснулся в тюрьме за тысячу километров отсюда, и тем не менее невообразимое переплетение мелких случайностей привело меня на это свидание.

— Ваш номер в церкви — ход гениальный!

— Мне это пришлось в голову благодаря вам. Когда вы позвонили, я была в комнате Люсьенны. Смотрела, как она спит, и думала, как это некоторым матерям удастся покончить с собой вместе с детьми. Я пыталась распознать слагаемые этого страшного способа уйти из жизни. Когда я увидела, что вы смешались с толпой, выходящей из церкви, я чуть было не закричала от отчаяния.

— Скажите, вы, наверное, говорили обо мне, когда давали показания?

— Это Ферри сказал. Но поскольку вы не присутствовали в момент обнаружения драмы, полицейские, кажется, не придали этому особого значения...

— Они скоро вернутся?

— Без сомнения. Пришлось принимать родственников, невыспавшихся полицейских. Все слишком много выпили и слишком мало спали. Кошмар... Думаю, до полудня меня оставят в покое. Пусть спят как можно дольше, правда?

— Вы поднялись, чтобы почистить эту комнату?

— Да. У меня очень мало времени...

Она ждала моего приговора. Мадам Драве ничуть не преувеличивала, когда говорила, что ее судьба в моих руках.

Я огляделся. Теперь для меня это не комната, а декорации. Декорации, в точности воспроизводящие гостиную, где разыгралась трагедия.

— Что вы будете делать с мебелью?

* По традиции под Рождество подарки детям кладут в "сапожок".

— Кресло то же, что и внизу. Предполагается, что я вынесла его, чтобы освободить место для елки. Достаточно спустить его в одну из комнат, в столовую, например, куда полицейские практически не заходили... Бутылки я хотела выставить на кухню. Сломать проигрыватель и бар, сжечь их в топке центрального отопления, елку тоже сжечь. Только диван можно было бы оставить здесь, я сама спила чехлы из ткани другого цвета, чтобы не было ничего похожего...

— Очень хорошо, вот и примемся за дело!

Я прекрасно понимал, что она надеялась на мое молчание, но на помощь с моей стороны не рассчитывала, и то, что я предложил, повергло ее в растерянность.

С помощью мадам Драве я перенес в грузовой лифт кресло, бар, проигрыватель и низкий столик, на котором он стоял. Мы поставили кресло в столовой второго этажа, как ей и хотелось. Затем спустились в подвал. Разломать бар, проигрыватель и столик ничего не стоило. Кстати, не требовалось ломать их на мелкие кусочки, так как топка была достаточно велика.

Когда все прогорело и металлическая начинка проигрывателя превратилась в расплавленный почерневший комочек, я снова загрузил топку.

Оставалось снять с елки многочисленные украшения и распилить ее на куски, чтобы сжечь. Без лишних слов мы принялись за дело. Работать приходилось с лихорадочной, безумной поспешностью. Чем меньше комната становилась похожей на ту, что была этажом ниже, тем отчетливее мы понимали, как ничтожна отсрочка. В любую минуту мог прийти какой-нибудь полицейский, засечь меня в квартире Драве или же пожелать осмотреть дом снизу доверху!

Она не удержалась от восклицания, когда обнаружила мою клеточку с птичкой из синели. С недоверием ее рассматривала. Я объяснил ей, откуда игрушка, и она заплакала. Сидя на диване, она всхлипывала, прижимая к груди хрупкий предмет.

— Почему вы плачете? — спросил я, когда она начала успокаиваться.

— Из-за вас, Альбер. Представляю ваше одиночество, то, как вы покупали игрушку в лавке, притом не зная, куда ее девать.

Она была способна неделями вынашивать план убийства мужа, способна в упор всадить пулю в голову спящего человека и, однако, плакать, разглядывая дешевую вещицу, символ моего одиночества.

— Я не хочу, чтобы вы ее выбрасывали.

— Но вы не можете повесить ее на другую елку, раз квартира опечатана.

— Я повешу ее над кроватью Люсьенны. Не знаю, имеют ли женщины вроде меня право верить в талисманы, но эта птичка мне кажется талисманом. У меня предчувствие, что она защитит мою дочку....

Она тут же спустилась вниз, унося с собой картонную клеточку, усыпанную блестками. Мне же оставалось обломать сучья елки. Для этого я снова спустился в подвал. Когда я стал бросать их в огонь, ползет черный дым. Каждый раз, как я открывал чугунную заслонку, густой смолистый дым вырывался из топки и вызывал удушье.

Стеклянные украшения, собранные в картонку, походили на драгоценные яйца. Одним махом я затолкнул их в печь, где они лопнули с

легким треском разбитого фарфора. Затем подмел усеянный зелеными иголками пол, после чего поднялся наверх. Когда уже добрался до двери, выходящей на лестничную площадку второго этажа, услышал голос мадам Драве: она с кем-то разговаривала. Вначале я подумал, что по телефону, и смело вошел. В эту минуту я услышал мужской голос и хотел было повернуть назад, но на лестнице послышались шаги. Итак, я попал из огня да в полымя. С одной стороны, посетитель, находившийся в столовой и разговаривавший с хозяйкой, с другой, — вновь прибывшие.

Прямо передо мной находился “роковой салон”, в дверную щель которого были вдавлены толстые восковые печати, похожие на запекшуюся кровь.

Я пошел ва-банк: на цыпочках приблизился к двери напротив столовой, то есть к двери детской.

Уверен, невозможно проникнуть в комнату быстрее и в большей степени украдкой.

Детскую окутали серые сумерки. Над балдахином колыбели болталась моя серебряная клеточка. Слышалось легкое, мерное дыхание Люсьенны. В каких-то сантиметрах от меня под ногами скрипел паркет. Жужжали голоса. Вне всякого сомнения, в конечном счете, кто-нибудь сюда войдет. Я искал вокруг, куда бы спрятаться, но не находил. Кроме кровати, разрисованного шкафчика, да игрушек, в комнате ничего не было.

Что нарушило сон ребенка, мое присутствие или хождение взад-вперед, слышавшееся рядом? Внезапно девочка громко заплакала.

— Малышка просыпается, — объяснила мадам Драве, приближаясь к спальне в чем-то сопровождении.

Я бросился за тонкую белую занавеску колыбели.

Дверь отворилась. Вошла женщина. За ней шел мужчина, но он остался в дверях, и это меня спасло. Приблизившись, мадам Драве меня заметила, и я опять убедился, насколько эта женщина умела владеть собой. Не останавливаясь, она взяла ребенка на руки и вышла из комнаты, заняв как можно точнее все пространство между мною и дверью.

Я остался один в маленькой комнате, где смеялись утята из клееной фанеры. Один, наедине с желто-голубой птичкой из синели, которая все раскачивалась и раскачивалась на жердочке.

Находка

Когда они ушли, я, в сущности, потерял всякое представление о времени, как и в ту ночь, что сидел в кабине грузовика.

Впрочем, я не был уверен, что ушли все. И мадам Драве дала мне знать. С другой стороны двери она стала напевать то, что надо было мне сообщить, не рискуя привлечь внимание ребенка.

— Все в порядке, они ушли.

Я пойду с нею на кухню.

Отправляйтесь в столовую, а

Затем я ее снова уложу.

Я смог выйти из комнаты, и при этом Люсьенна меня не заметила. Через минуту ко мне присоединилась мать. Вид у нее был подавленный.

— Вы испугались? — пробормотал я, привлекая ее к себе.

Она прижалась ко мне в порыве доверия. Нервы ее были на пределе.

— Они позвонили, я подумала, что вы услышали и успели спрятаться.

— Я абсолютно ничего не слышал. Еще доля секунды, и я попал бы им прямо в лапы. Что им нужно?

— Кое-что проверить, как они сказали. Они сняли печати, а затем снова все опечатали. Не знаю, что там можно делать в гостиной; пока они там вовсю работали, другие допрашивали меня в столовой.

— Насчет меня тоже?

— Действительно, мельком коснулись и вас. Но говорили, главным образом, о любовнице мужа.

— О чем они спрашивали?

— О вас — очень мало: откуда вы меня знаете, помните, как мне пришлось покинуть мессу с людьми, к которым вы подошли? Я сказала, что мне о вас абсолютно ничего не известно, и что если вы меня раньше видели, то я нет.

— А по поводу любовницы?

— Вот здесь было очень напряженно. Им хотелось знать, известно ли мне об этой связи, в общем, сами понимаете.

— Да.

Я украдкой поцеловал ее в волосы.

— Они не стали подниматься наверх?

— Нет.

— Слава Богу. Идемте, закончим. Вы уверены, что они никого тут не оставили дежурить?

— Я проводила их и закрыла дверь на два оборота.

— А малышка, они ее допрашивали?

— Нет, что вы! Один из инспекторов даже попросил у меня разрешения подарить ей шоколад в золоченой обертке.

— Прекрасно. Идемте.

Мне стало казаться, что в каком-то смысле я тоже совершил это убийство. Принял его, согласился с ним.

Оставалось только покрыть чехлом диван на третьем этаже и тщательно подмести. Я занялся этим неблагодарным делом, а тем временем мадам Драве переворачивала на окнах тяжелые портьеры, что было верхом изощренности. В свое время она сделала их на белой подкладке, и, перевернутые наизнанку, они окончательно придали комнате нейтральный и нежилой вид.

— А где чехол для канале?

— Под подушками!

Она предусмотрела все. Одним махом я снял подушки. Аккуратно сложенный вдоль чехол действительно лежал там. Но в тот момент, когда я его взял, я что-то уронил: пластиковый футлярчик для удостоверения личности, одна сторона которого была прозрачной. В нем находился технический паспорт автомашины — грузовичка марки "ситроен", зарегистрированный в департаменте Сены. Документ был выдан на имя г-на Поля Ферри, проживающего в Париже.

Я озабоченно стал его рассматривать.

— Что это? — спросила мадам Драве.

Я протянул ей футлярчик из искусственной крокодиловой кожи.

— Этот идиот потерял технический паспорт, когда пришел в первый раз и развалился на диване.

Она не двигалась и внимательно рассматривала паспорт, словно перед ней возникла трудноразрешимая проблема.

— Вы, кажется, приуныли? — прошептал я, чувствуя, что мне не по себе.

— Я размышляю.

— О чем?

— Думаю, Ферри хватится, что у него исчез нужный документ, и будет вспоминать, где он его мог потерять.

— И что тогда?

Она помедлила с ответом. Это была женщина основательная, привыкшая смотреть в корень.

— А ничего. Он, без сомнения, за ним вернется.

— Возможно, но тут нет ничего страшного. А теперь смотрите.

Я взял чехол и развернул его на канapé. Подсунул края под подушки, затем перекинул за спинку. Коленом задвинул диван в глубину комнаты. Теперь можно было подумать, что квартиру только обустраивают. Ничего общего с гостиниой этажом ниже, разве что расположение и цвет стен.

Мадам Драве перешла в прихожую.

— Вот вы, человек со стороны, как думаете, если бы Ферри сюда вернулся, у него могло бы закрасться подозрение?

Я на минуту закрыл глаза, затем открыл их и взглянул на новую декорацию.

— Нет, исключено. Имитация получилась не благодаря размерам и форме гостиной, а благодаря елке, бару, проигрывателю. Я искренне думаю, мадам Драве, что вам удалось преступление без улик. Даже если бы полиция установила, что речь идет не о самоубийстве, а об убийстве, доказать, что вы его совершили, невозможно.

Она все еще держала в руках пластиковый футлярчик, обмахиваясь им, как веером.

— Что будем с этим делать?

— Дайте мне, я пойду и брошу его где-нибудь недалеко от церкви.

— Вы думаете?

— Ну конечно. Такие вещи обычно сдают в полицию, независимо от того, насколько честен человек, их нашедший. Возвращая паспорт, кому-нибудь захочется заработать репутацию порядочного человека.

Я порылся в карманах. Мне оставалось теперь преодолеть две трудности: откланяться мадам Драве и выйти из дома так, чтобы не напороться на шпика, который, вполне возможно, ведет наблюдение.

— Нет ли другого выхода, чтобы выйти из мастерской?

— Одна из дверей, выходящих на улицу, ведет в контору.

— Как вы думаете, полиция знает об этом выходе?

Она пожала плечами.

— Если полиция ведет слежку за помещениями, она в курсе и знает все выходы.

Я был озадачен. В случае засады мой уход мог провалить все дело.

С другой стороны, не мог же я до бесконечности сидеть в мастерских Драве!

— Есть еще третий выход, — прошептала, поразмыслив, моя знакомая.

— Где?

— Это люк, через который выкатывают бумажные бобины. Да, точно, выход есть. Не думаю, чтобы о нем знали полицейские, он находится в широком тупике, где грузовики встают на стоянку, чтобы не мешать движению. Идемте...

Я огляделся в последний раз. Есть на свете любители поспать, которые, пробуждаясь, сожалеют о том, что сон позади, даже если это был кошмарный сон. Так вот, я один из таких любителей.

На этот раз мы спустились по лестнице. Когда дошли до площадки второго этажа, я на секунду остановился, мысленно прощаясь со спящей девочкой.

Мы шли по усыпанным бумажными обрезками светлым помещениям мастерских. Приятно пахло работой, и, несмотря на усталость, я чувствовал, как во мне пробуждается острое желание трудиться. С завтрашнего дня, наверное, займусь поисками работы.

— Вот видите, это здесь.

Люк был заперт на огромный замок. Он находился выше того места, где начинался цементный скат, и состоял из двух тяжелых металлических заслонок. Я толкнул одну из них: образовавшегося отверстия мне вполне было достаточно.

— Ну что же, расстаемся, — прошептала она, сжав мою руку. — Не думаю, что слово “спасибо” уместно в нашем случае.

— Тут слова вообще неуместны. То, что произошло, находится в пределах иного мира, где царят иные законы.

Мы посмотрели друг на друга с мягкой грустью, от которой становилось одновременно и больно, и сладко.

— Не знаю, увидимся ли, — сказала она, смежив веки.

— Я хочу этого, сами знаете. Всей душой хочу.

— Думаю, надо, чтобы прошло какое-то время...

— Я тоже так думаю. Вы знаете, где я живу, а я знаю, где вы живете; нет никаких причин, чтобы мы никогда не встретились.

Не добавив более ни слова, я вылез из помещения и опустил заслонку. Она закрылась с гулким звонким грохотом. Послышался скрип массивного замка, и по опустошающей грусти, которая навалилась на меня, я понял, что опять остался один.

Едва уловимые факты

На выходе из тупика никого не было. Никого и на улице. Наши страхи оказались напрасными и предосторожности излишними. Полиция принимала версию самоубийства. Серое, с ветерком, предвещавшим

снег, рождественское утро наводило тоску. Казалось, квартал вымер, а спешащие редкие прохожие, которые жались поближе к стенам, чтобы спастись от ветра, выглядели еще более серыми, чем погода.

Сил больше не было. Ни о чем другом я не мог думать, как о душе и теплой постели. После моих сомнительных занятий в подвале Драве я выглядел бледным и помятым. В этом позволяли убедиться витрины, в которых я видел свое отражение. Напрашивалось сравнение с полинялым трепещущим от ветра флагом на фронтоне общественного здания.

На этот раз мой дом показался мне менее удручающим. К нему вернулось доброе живое обличье прошлых времен, подобное тому, что было у него, когда я возвращался из школы.

Я поискал глазами горшок с геранью на выступе подоконника. Горшок стоял по-прежнему, но герани не было. По-видимому, цветок умер вслед за мамой, так как некому было его поливать.

Я бросился вверх по деревянной лестнице. Запах жавелевой воды и старой пыльной ковровой дорожки больше не шокировал. Я пришел домой, в свою старую квартиру, где жило столько воспоминаний. Устремился к раковине — помыться, так как это было самым срочным делом. Но, взглянув на изъеденный паутиной медный кран, вспомнил, что воды там нет ни капли. Лучше отправиться в отель. Поскольку мое появление без багажа в такое время суток могло показаться подозрительным, я положил в чемодан чистую сорочку и костюм. Мама повесила мои вещи в пластиковых чехлах, пересыпав их нафталином, чтобы они дожидались моего возвращения. Они, конечно, вышли из моды, но я был счастлив, что нашел их на месте.

Итак, я снова вышел из дому, держа в руках старый потертый чемодан, одна из застежек которого то и дело отскакивала. Шагал я быстро, так как торопился найти пристанище. Собирался снять комнату с ванной. Я принял бы очень горячую ванну, а потом растянулся бы на постели, погрузившись в благостное забытие.

Когда я проходил через площадь, где находилась церковь, я вспомнил о техническом паспорте Ферри, лежавшем у меня в кармане. Ужасно радостно достал его и выронил на тротуар, у самого дерева. Я собирался уже идти дальше, как услышал обращенный ко мне возглас:

— Эй, месье! Вы что-то потеряли!

Я медленно повернулся. Человек, окликнувший меня, был таким верзилой. Пальто из плотной шерстяной материи, серая шляпа с неровными, покоробившимися полями, в зубах — пустой мундштук.

Я разыграл удивление:

— Вы мне?

Он шел прямо на меня, изображая радость оттого, что можно услужить ближнему. Мир полон альтруистов.

Он сам поднялся футлярчик.

— Я видел, как он выпал из кармана. Это ваше?

— А, да! Благодарю вас...

Я улыбнулся, протягивая ему руку, готовую забрать технический паспорт. Но вместо того, чтобы мне его вернуть, человек положил предмет себе в карман, небрежно взглянув на него.

Я не вполне понимал нелогичность его поведения.

Он отвернул лацкан пальто: сверкнул полицейский жетон.

— Следуйте за мной, Эрбен.

Надо было реагировать, что-то сказать.

— Не понимаю.

— Вот именно, вам объяснят.

Он поднял руку. Подъехала машина. Я не заметил, откуда она взялась. Без сомнения, следовала за полицейским на расстоянии. Это была старая колымага марки "фрегат" с помятыми крыльями. За рулем сидел человек в куртке на теплой подкладке и зеленой фетровой шляпе с полями.

— Садитесь, — приказал мне полицейский в пальто из плотной шерсти.

— Но на каком основании, по какому праву?

Он не стал пускаться в объяснения. Только ткнул кулаком в спину, и я полетел вперед, в автомобиль. Споткнулся о свой несчастный чемодан и упал на колени, на резиновый, в дырочках, коврик.

Тип в шерстяном пальто уселся рядом со мной, со стоном удовольствия рухнув на сиденье. Машина тронулась.

Никто не разговаривал. Я пытался понять, что случилось. Может, за мной следили от самого дома Драве? Я был уверен, что нет. Абсолютно уверен. С другой стороны, теперь я вспомнил, что уже видел эту большую черную машину, — она стояла напротив моего дома.

Так это там они устроили засаду. Слава Богу!

Необходимо понять, что за причина полицейских штучек, если я намерен выпутаться. Это было несложно. Инспекторы хотели найти "другого свидетеля", то есть меня. Им это ничего не стоило, так как я глупейшим образом сообщил Ферри свою фамилию, когда мы представлялись друг другу в так называемой гостинной. Кроме того, ему было известно, на какой улице я живу. Не я ли сам попросил его остановить машину почти напротив дома?

За последние часы шпики провели кое-какие следственные мероприятия. Они узнали, кто я такой и откуда вернулся. Я старался себя успокоить. Не стоит терять оптимизма.

Сейчас они будут меня допрашивать, где я провел ночь, и особенно, где нашел технический паспорт Ферри.

"Фрегат" остановился у серого подъезда. Над входной дверью висел флаг. Минуту назад я сравнивал себя самого именно с таким флагом.

— Проходите!

Казенный коридор, невозмутимые полицейские беседуют о том, как встретили Рождество, о детях.

Служебный кабинет, деревянные скамьи, плакаты, зеленые лампы, запах чернил, пыльной бумаги, пота...

— Садитесь!

Если исключить давешний тумак, "они" не хамили. Я твердо продолжал надеяться. Когда опасность очевидна, она меньше пугает.

Итак, ночь я провел в бистро неподалеку. В большинстве из них было полным-полно народу. Этим, наверное, и объясняется, что меня не заметили. Что касается технического паспорта...

Технический паспорт нашел в машине Ферри. Я думал, что футлярчик упал из моего кармана, и только позднее понял, что это недоразумение.

У них нет против меня никаких улик.

Я горячо твердил это, словно хотел убедить себя самого. Если я в этом твердо уверен, то и выпутаться сумею.

Я вспоминал о мадам Драве. Сожалел, что не узнал ее имени, — удобнее было бы о ней думать. Никогда еще я не встречал более удивительной женщины. Она обладала немислимой волей, феноменальным присутствием духа, и одновременно была существом слабым и одиноким. Мы с ней одной породы.

Инспектор в шерстяном пальто рассказывал коллеге, какие игрушки получили в подарок его дети, а тот сворачивал смятую сигарету в проклеенный кусочек папиросной бумаги. Для них Рождество оставалось Рождеством, несмотря на следственные мероприятия. У них была елка, вкусная еда, огни, радость, детский смех и крики, и всего понемножку они приносили с собой в эти мрачные помещения.

— Эрбен!

Другой инспектор, тот, у кого была утепленная куртка, знаком вел мне войти в кабинет.

Человек лет пятидесяти со смешной лысиной, делавшей его череп похожим на картонный, сидел за министерским письменным столом, заваленным бумагами. Его толстый круглый нос нависал над щеткой черных усов.

Он указал мне на стул, обитый шероховатой кожей и поцарапанный ногтями.

— Альбер Эрбен?

— Да, месье.

— Освобожден позавчера утром из тюрьмы Бометт?

Я инстинктивно поправил:

— Нет, вчера утром. — Затем подсчитал. Из-за двух бессонных ночей понятие времени у меня несколько притупилось. — Извините, вы правы: позавчера.

— Каким образом вы вернулись из Марселя?

— Ночным поездом.

— И чем занимались с тех пор?

Я пожал плечами. На этот раз он внимательно меня разглядывал. Голос у него был миролюбивый, глаза спокойные, но в глубине их тлел опасный огонек.

— Я вернулся на квартиру матери. А затем воспользовался обретенной свободой.

— Как именно?

— Единственным образом: бродил по улицам, заходил в бары, разглядывал новые автомашины, которые были выпущены за время моего заключения. За шесть лет, знаете ли, мир меняется. Непросто включиться в новую жизнь.

— Вы ходили в церковь на ночную литургию?

— Да.

— Во время службы одной из дам стало плохо?

— Да.

Я сделал вид, что припоминаю фамилию:

— ...Древе или Драве, кажется?

— Да.

Он повысил голос, словно швырнул в лицо это "да". "Да" провоцирующее.

— Людям, которые выходили из церкви, вы заявили, что знаете ее?

— Все нет, я сказал, что знаю, где она живет, это не одно и то же!

— И откуда вам известно, где она живет?

— Очень просто. Гуляя по улицам, я видел, как она выходила из дома с девочкой. Они красивые, я их и заметил. А в церкви узнал, вот и все.

— А может, скорее, вы шли за ними по пятам, до самой церкви?

— Нет.

— По нашим сведениям, в исправительном учреждении вы не присутствовали на церковных богослужениях.

— Ну и что же?

— А то, что, оказавшись на свободе, вы не нашли ничего более срочного, как пойти в церковь?

— Для многих полуночная литургия — спектакль! И потом, эта церковь — моя церковь. Я пошел туда, чтобы найти там свое детство...

Комиссар несколько раз моргнул. Я чувствовал, что он несколько смущен из-за общей обстановки Рождества, которая отчасти меняет и вещи, и людей.

— Допустим. А потом?

— А потом я проводил эту даму и ее ребенка вместе с любезным господином, который находился рядом. — За моей спиной я различил какой-то легкий шум и оглянулся. Тип в теплой куртке вел протокол на большом листе бумаги. — Мы проводили мадам... гм...

— Драве!

Он был не дурак и понимал, что, называя фамилию, я запнулся умышленно.

— Мадам Драве до ее дома. Мы выпили у нее в салоне по рюмке спиртного, пока она укладывала дочку. Когда она вернулась, то обнаружила, что забыла в церкви сумочку. Тогда мы опять отправились туда, и я попросил водителя остановиться недалеко от моего дома.

Он схватил пластиковый футлярчик и помахал им.

— А это?

— Когда я возвращался от мадам Драве, то уронил в машине ключ. Поднял его и одновременно этот футлярчик. Я думал, что это тоже мое...

Я дал маху! В глазах собеседника появился блеск, который меня ошановил.

Он мне не верил! И впечатление тут ни при чем: у него было доказательство, что я лгу.

— Итак, вы утверждаете, что нашли технический паспорт в машине г-на Ферри?

— Да.

Вся его тучная фигура вдруг словно расслабилась. Он откинулся на спинку кресла и взглянул на меня с нескрываемой оскорбительной прямотой.

— Вы лжете, Эрбен.

— Нет.

Его массивная ладонь упала на кожаную обшивку письменного стола.

— Да. И я вам сейчас это докажу... — Повернувшись к инспектору в куртке, он приказал: — Пригласите Ферри!

В кабинет вошел человек в кожаном пальто. Завидев меня, он любезно улыбнулся.

— О! Здравствуйте, месье Эрбен. Ну и дела, а?

Я не шелохнулся, и он с удивлением посмотрел на комиссара. Лысый помахал техническим паспортом.

— А! Так вы его нашли! — воскликнул Ферри. — Вот видите, я был прав!

— Минутку, месье Ферри, — отрезал полицейский. — Не скажете ли вы месье Эрбену, где находился ваш паспорт?

Ферри, казалось, смутился.

— О, тут все очень просто. Этой ночью, пока мы были у мадам Драве, я тайком спрятал паспорт под диванную подушку... Я... Мужчины ведь, Эрбен, сами знаете. Я подумал, что это предлог, чтобы вернуться за ним той же ночью, но позднее. Эта дамочка ночью одна, может, и повезет. Когда мужчина временно одинок... Но поскольку вы были рядом, я не смел любезничать. Если бы я знал, что она сама пожелает еще раз выйти из дому и провести время в моем обществе, я, разумеется... Особенно, если бы я мог предполагать, что по возвращении...

У меня хватило мужества ему улыбнуться, однако я почувствовал, что холодею.

— Обнаружив, что ее муж мертв, я уже не думал об этой... этом паспорте. Уже потом, когда вернулся домой и увидел свой грузовичок в гараже, вспомнил. Тогда я пришел и рассказал этим господам, что с моим паспортом...

Комиссар щелкнул пальцами.

— Спасибо, месье Ферри, вы свободны.

Озадаченный Ферри на секунду замер с открытым ртом. Затем утвердительно кивнул и, пятась, вышел.

Комиссар положил ладони на край письменного стола.

— Вот так-то, Эрбен!

— Я невиновен! — крикнул я что есть мочи.

— Не очень-то вы искусны. Даже не изобразили удивления, когда Ферри сказал о мертвом муже.

Наверное, я выглядел смешно, так как он расхохотался. Этот смех доконал меня.

— Вы записали, Бланш?

— Да, господин комиссар.

Лысый наклонился. Его толстый живот расплущился о старый кожаный бювар. Лицо его было в нескольких сантиметрах от моего

лица. Я почувствовал тошноту, так как изо рта у него пахло кофе с молоком.

— Послушайте, Эрбен. Когда вы ушли втроем от Драве, технический паспорт находился под диванной подушкой. Когда Ферри и мадам Драве вернулись, они обнаружили мертвого г-на Драве и ни к чему не прикасались. После показаний Ферри мои люди там утром снова побывали, чтобы обыскать канapé: паспорта уже не было. Вывод: вы проникли в квартиру мадам Драве за время ее отсутствия. Вам было известно, что, кроме ребенка, там никого нет, а для человека без средств, только что вышедшего из тюрьмы, о лучшем нечего и мечтать.

Тем временем, пока вы обследовали квартиру, вернулся Жером Драве. Он пригрозил вам револьвером. Вы его разоружили и прикончили, всадив ему пулю в упор. Пока вы боролись, подушки с дивана упали на пол, а, кладя их на место, вы обнаружили паспорт Ферри. Зачем вы его взяли? Глупый рефлекс, глупый и опасный, потому что он позволяет нам разоблачить вас.

Он говорил, говорил, уверенный в себе, в том, что утверждает.

Я уже его не слушал. Мысленно вернулся в странный лабиринт. Теперь в квартире Драве была только одна гостиная! Я собственными руками уничтожил следы второй.

Я мог делать попытки говорить правду и ничего, кроме правды, но у меня не было желания. Как им внушить, что это за правда на самом деле? Кошмары — это сугубо личное. Они вызывают смех, если люди пытаются их пересказывать. Их можно пережить, только пережить...

Я вспомнил о голубой птичке, которая качалась над колыбелью маленькой девочки. Я вышел из тюрьмы только затем, чтобы купить эту серебристую клеточку. Символ! Вот меня снова посадят в клетку. Разве что мадам Драве, узнав о моем аресте...

— Скажите, господин комиссар...

Мне следовало его перебить, когда он разошелся и разглагольствовал. Кровью весь налился, остолбенел даже, когда понял, что я его не слушаю.

— Что?

— Скажите, пожалуйста, как зовут мадам Драве?

Он посмотрел на меня, посмотрел на инспектора, на лежавшую перед глазами бумагу и злобно бросил:

— Марта!

— Спасибо.

Отныне мне оставалось только одно: замолчать.

Решать — Марте.

Перевод с французского Галины Беляевой.